

Книга 3. ХРИСТИАНСКОЕ ПОВЕДЕНИЕ

1. Три части морали

Рассказывают об одном ученике, которого спросили, как он представляет себе Бога. Тот ответил, что, насколько он понимает, Бог - это "такая личность, которая постоянно следит, не живет ли кто в свое удовольствие, а когда он это заметит, то вмешивается, чтобы это прекратить". Боюсь, что именно в таком духе понимают многие люди слово "мораль"; то, что мешает нам получать удовольствие. На самом же деле моральные нормы - это инструкции, обеспечивающие правильную работу человеческой машины. Каждое из правил морали нацелено на то, чтобы предотвратить поломку, или перенапряжение, или трение. Вот почему на первый взгляд кажется, будто они постоянно вмешиваются в нашу жизнь и препятствуют проявлению наших природных склонностей.

Когда вы учитесь, как работать на какой-нибудь машине, инструктор то и дело поправляет вас: "Нет, не так, этого не делайте", потому что у вас постоянно возникает искушение попробовать или сделать то, что вам представляется естественным и удачным, а машина - сломается. Некоторые предпочитают говорить о нравственных "идеалах", а не о правилах морали, и о "нравственном идеализме" - вместо подчинения этим правилам. Конечно, моральное совершенство - это "идеал" в том смысле, что мы не можем его достичь. В этом смысле все, что совершенно, для нас, людей, - идеал; мы не можем стать совершенными водителями или совершенными теннисистами, мы не можем провести совершенно прямую линию. Но с другой точки зрения, называя моральное совершенство "идеалом", мы вводим людей в заблуждение. Когда человек говорит, что какая-то женщина, или дом, или корабль, или сад - его идеал, он не имеет в виду (если он не совсем дурак), что у всех остальных идеал должен быть тот же самый. Здесь у нас есть право на разные вкусы, значит - на разные идеалы. Но опасно называть идеалистом человека, изо всех сил старающегося соблюдать нравственный закон. Это может привести к мысли, что стремление к нравственному совершенству - дело его вкуса, мы, остальные, не обязаны этот вкус разделять. Такая мысль была бы поистине катастрофической.

Совершенное поведение, может быть, так же недостижимо, как совершенное переключение скоростей; но это - необходимый идеал, предписанный всем людям самой природой их машины, точно так же, как совершенное переключение скоростей - идеал для всех водителей, предписанный самой природой автомобиля. Еще опасней считать самого себя человеком высоких идеалов, оттого что вы стараетесь никогда не лгать (а не лгать лишь изредка) или никогда не прелюбодействовать (а не делать это пореже), или никогда не впадать в раздражение (а не просто быть умеренно раздражительным). Вы рисковали бы стать педантом и резонером, полагающим, что он - человек особенный, заслуживающий похвалы за свой идеализм. На деле у вас столько же оснований ожидать похвалы за то, что при сложении чисел вы стараетесь получить правильный ответ. Конечно, совершенное вычисление - это идеал; безусловно, вы делаете иногда ошибки. Однако нет особой заслуги, если вы стараетесь считать внимательно. Очень уж глупо не стараться, ведь любая ошибка принесет вам неприятности. Точно так же каждый нравственный проступок чреват неприятностями, возможно - для других, и непременно - для вас. Когда мы говорим о правилах и подчинении вместо "идеалов" и "идеализма", мы напоминаем себе именно об этом.

Теперь сделаем еще один шаг. Человеческая машина может выходить из строя по-разному, иногда люди удаляются друг от друга или, наоборот, сталкиваются и причиняют друг другу вред обманом или грубостью. Иногда - что-то ломается у человека внутри, то есть части его, атрибуты (например, способности или желания) противоречат одно другому или приходят в столкновение.

Вам проще будет это понять, если вы представите нас в виде кораблей, плывущих в определенном порядке. Плавание будет успешным только в том случае, если, во-первых, корабли не сталкиваются и не преграждают пути друг другу и, во-вторых, если каждый корабль годен к плаванью и двигатель у всех - в полном порядке. Необходимы оба эти

условия. Если корабли будут постоянно сталкиваться, они скоро выйдут из строя. С другой стороны, если штурвал не в порядке, они не смогут избежать столкновений. Или представьте себе человечество в виде оркестра, исполняющего какую-то мелодию. Чтобы игра получалась слаженной, необходимы два условия: каждый инструмент должен быть настроен и каждый должен вступать в положенный момент, чтобы не нарушать гармонии.

Но мы с вами не учли одного. Мы не спросили, куда собирается наш флот, какую мелодию хочет сыграть наш оркестр. Инструменты могут быть хорошо настроенными, и каждый из них может вступать в нужный момент, но выступление не будет успешным, если музыкантам заказали танцевальную музыку, а они исполняют похоронный марш. Как бы хорошо ни проходило плавание, оно обернется неудачей, если корабли приплывут в Калькутту, а порт назначения - Нью-Йорк. Соблюдение нравственных норм связано, таким образом, с тремя вещами: с честной игрой, хорошими гармоническими отношениями между людьми; с тем, что можно было бы назвать порядком внутри самого человека; и наконец, общей целью человеческой жизни, с тем, для чего человек создан, по какому курсу должен следовать флот, какую мелодию избирает дирижер.

Вы, может быть, заметили, что наши современники почти всегда помнят о первом условии и забывают о втором и третьем. Когда пишут в газетах, что мы боремся за великодушие и честность между нациями, классами и просто людьми, это и значит, что думают только о первом условии. Когда о том, что он хочет сделать, человек говорит: "Здесь нет ничего плохого, это никому не вредит", - он думает о нем же. Он считает, что состояние его корабля не важно, если только оно не грозит столкновением кораблю соседнему. Вполне естественно, что, когда мы начинаем думать о морали, первыми нам приходят в голову отношения между людьми. Почему? Да потому, что, во-первых, последствия безнравственности в обществе очевидны и давят на нас все время; это - война и нищета, взятки и ложь, плохая работа. Кроме того, по первому пункту у нас почти не бывает разногласий. Почти все люди во все времена соглашались (в теории) с тем, что надо быть честными, добрыми, помогать друг другу. Естественно с этого начинать, но нельзя ставить на этом точку, в таком случае вообще нет смысла размышлять о морали. До тех пор пока мы не перейдем ко второму условию, мы будем лишь обманывать самих себя.

Разумно ли ожидать от капитанов, что они станут так поворачивать штурвал, чтобы корабли не сталкивались, если сами корабли - старые, разбитые посудины, а штурвалы вообще не поворачиваются? Какой смысл записывать на бумаге правила поведения в обществе, если мы знаем что жадность, трусость, дурной характер и самомнение помешают нам их выполнить? Я ни на секунду не предлагаю вам отказаться от мысли, и мысли серьезной, об улучшении нашей общественной и экономической системы, только хочу сказать, что все эти размышления останутся солнечным зайчиком, пока мы не поймем: только мужество и бескорыстие каждого человека заставит какую бы то ни было общественную систему работать как надо. Не так уж трудно избавить граждан от тех или иных нарушений уголовного кодекса, скажем, взяточничества и хулиганства; но пока остаются взяточники и хулиганы, сохраняется угроза, что они протопчут новые дорожки, чтобы продолжить старую игру. Вы не можете сделать человека хорошим с помощью закона, а без хороших людей не может быть хорошего общества. Вот почему не избежать второго условия - нравственного преобразования в самом человеке.

Здесь, я думаю, мы остановиться не сможем. Мы подходим сейчас к той точке, откуда расходятся разные линии поведения, в зависимости от представлений о Вселенной. Возникает соблазн тут и остановиться, а дальше - по мере сил придерживаться тех нравственных норм, с которыми соглашаются все разумные люди. Но можем ли мы это сделать? Не забывайте, что религия включает в себя такие утверждения, которые либо соответствуют истине, либо нет. Если они истинны, из этого следуют одни представления о том, правильным ли курсом плывет наша флотилия, если ложны - то совершенно другие. Вернемся, например, к тому человеку, который говорит, что поступок, не причиняющий другому вреда, нельзя считать плохим. Он прекрасно понимает, что не должен причинять повреждений ни одному кораблю. Но искренне верит: что бы он ни делал со своим кораблем, это касается его одного. Вопрос в том, действительно ли этот корабль - его собственность? Разве не важно, господин ли я моему разуму и телу или только

квартирант, ответственный перед настоящим хозяином? Если меня создал кто-то другой для своих целей, я отвечаю перед ним, а этого бы не было, если бы я принадлежал только себе.

Кроме того, христианство говорит, что каждый человек будет жить вечно, и это - либо истина, либо заблуждение. Значит, если мне суждено прожить каких-нибудь семьдесят лет, то о многих вещах мне не надо беспокоиться, но о них стоит беспокоиться, и очень серьезно, если мне предстоит жить вечно. Возможно, мой дурной характер становится все хуже или присущая мне зависть - все больше, но это происходит так постепенно, что изменения к худшему, накопившиеся за семьдесят лет, практически незаметны. Однако за миллион лет мои недостатки могли бы развиться во что-то ужасное. Если христианство не ошибается, "ад" - абсолютно верный термин, передающий то состояние, в какое приведут меня за миллионы лет зависть и дурной характер.

И еще: проблема нашей смертности или бессмертия обуславливает, в конечном счете, правоту тоталитаризма или демократии. Если человек живет только семьдесят лет, тогда государство, или нация, или цивилизация, которые могут просуществовать тысячу, безусловно, представляют большую ценность. А если право христианство, то человек не только важнее, он несравненно важнее, потому что он вечен, и жизнь государства или цивилизации - лишь миг по сравнению с его жизнью.

Вот и выходит, что, если мы намерены задуматься о морали, нам придется думать обо всех трех разделах: об отношении человека к человеку, о внутреннем его состоянии и об отношениях между ним и той Силой, которая сотворила его. Мы все легко придем к согласию относительно первого пункта. Разногласия начинаются со второго и становятся очень серьезными, когда мы доходим до третьего. Именно здесь проявляются основные различия между христианской и нехристианской моралью. В остальной части книги я собираюсь исходить из предпосылок христианской морали и из того, что христианство - право. На этих основаниях я и попытаюсь представить всю картину.

2. Главные добродетели

Предыдущий раздел был составлен как короткая радиобеседа.

Если вам разрешается говорить только 10 минут, то приходится жертвовать всем ради краткости. Рассуждая о морали, я как бы поделил ее на три части (предложив пример с кораблями), ибо хотел "охватить вопрос" и при этом быть как можно лаконичнее. Ниже я хочу познакомить вас с тем, как подразделяли это в прошлом. Мыслители мыслили очень интересно, но для радиобесед их метод неприменим, так как требует очень много времени.

Согласно этому методу, есть семь добродетелей. Четыре из них называются главными (или кардинальными), остальные три - богословскими. Главные добродетели - это те, которые признают все цивилизованные люди. О богословских, или теологических, добродетелях знают, как правило, только христиане. Я расскажу о теологических добродетелях позднее. Сейчас меня занимают только четыре кардинальные. Кстати, слово это не имеет ничего общего с кардиналами римско-католической Церкви. Оно происходит от латинского слова, означающего дверную петлю. Эти добродетели названы кардинальными, потому что они, так сказать, основа. К ним относятся *благоразумие, воздержанность, справедливость и стойкость*.

Благоразумие - это практически здравый смысл. Человек, обладающий им, всегда думает о том, что делает, и о том, что может из этого выйти. В наши дни большинство людей едва ли считают благоразумие добродетелью. Христос сказал, что мы сможем войти в Его мир, только если уподобимся детям, и христиане сделали вывод: если вы "хороший" - то, что вы глупы, роли не играет. Это не так. Во-первых, большинство детей проявляют немало благоразумия в том, что действительно им интересно, и довольно тщательно это обдумывают. Во-вторых, как заметил апостол Павел, Христос совсем не хотел, чтобы мы оставались детьми по разуму (1). Совсем наоборот: Он призывал нас быть не только "кроткими, как голуби", но и "мудрыми, как змии"(2). Он хочет, чтобы мы, как дети, были просты, недвуличны, любвеобильны, восприимчивы. о еще Он хочет, чтобы каждая

частица нашего разума работала в полную силу и была в первоклассной форме. Если вы даете деньги на благотворительность, это не значит, что не надо проверить, не уходят ли они к мошенникам. Если ваши мысли заняты Самим Богом (например, когда вы молитесь), это не значит, что вы должны довольствоваться теми представлениями о Нем, которые были у вас в пять лет. Конечно, людей, недалеких от рождения, Бог будет любить и использовать не меньше, чем самых умных. Но Он хочет, чтобы каждый из нас во всю силу пользовался теми умственными способностями, которые нам отпущены. Цель не в том, чтобы быть хорошим и добрым, предоставляя быть умным другому, а в том, чтобы быть хорошим и добрым, стараясь при этом быть настолько умным, насколько это в наших силах. Богу противна умственная лень, как и всякая другая.

Хочу предупредить - если вы собираетесь стать христианином, вам придется отдать и разум, и все остальное. К счастью, это полностью компенсируется: всякий, кто искренне стремится стать христианином, вскоре начинает замечать, как все острее становится его разум. Отчасти поэтому и не нужно специального образования, чтобы стать христианином: христианство - само по себе образование. Вот почему необразованный Беньян сумел написать книгу, которая поразила весь мир (3).

Воздержанность - одно из тех слов, значение которых, как ни жаль, изменилось. Сегодня оно обычно означает, что человек "не пьет". Но в те дни, когда вторую из главных добродетелей окрестили "воздержанностью", это слово ничего подобного не значило. Воздержанность относилась не только к выпивке, но и ко всем удовольствиям, и предполагала не полный отказ от них, но способность чувствовать меру, не переходить границы. Было бы ошибкой считать, что христианам нельзя "пить": мусульманство, а не христианство запрещает спиртные напитки. Конечно, в какой-то момент долгом христианина может стать и отказ от крепких напитков - скажем, он почувствует, что не сможет вовремя остановиться, или находится среди людей, склонных к пьянству, и не должен поощрять их примером. Суть в том, что он воздерживается из-за определенных разумных причин от того, чего не отвергает. Некоторым скверным людям трудно отказаться от чего-нибудь "в одиночку"; им надо, чтобы от этого отказались и все остальные. Это путь не христианский. Какой-то христианин может счесть, что для него необходимо отказаться от брака, от мяса, от пива, от кино. Но когда он скажет, что все эти вещи плохи сами по себе, или начнет смотреть свысока на тех, кто себе в них не отказывает, он встанет на неверный путь.

Большой вред нанесло смысловое сужение слова. Из-за него люди забывают, что можно быть неумеренными во многом другом. Мужчина, который смыслом своей жизни делает гольф или мотоцикл, или женщина, думающая лишь о нарядах, об игре в бридж или о своей собаке, проявляет такую же неумеренность, как и пьяница, напивающийся каждый вечер. Конечно, их неумеренность не выступает столь явно - они не падают на тротуар из-за своей страсти к бриджу или к гольфу. Но можно ли обмануть Бога внешними проявлениями?

Справедливость относится не только к судебному разбирательству. Это понятие включает в себя честность, правдивость, верность обещаниям и многое другое. И ***стойкость*** предполагает два вида мужества: то, которое не боится смотреть в лицо опасности, и то, которое дает человеку силы переносить боль. Вы, конечно, заметите, что невозможно достаточно долго придерживаться первых трех добродетелей, если нет четвертой.

И еще на одно нужно обратить внимание: совершить благоразумный поступок и от чего-то воздержаться - не то же самое, что быть благоразумным и воздержанным. Плохой игрок в теннис может время от времени делать хорошие удары. Но хорошим игроком вы назовете только того, у кого глаз, мускулы и нервы настолько натренированы бесчисленными ударами, что на них действительно можно положиться. У такого игрока они приобретают особое качество, которое свойственно ему даже тогда, когда он не играет в теннис. Уму математика свойственны определенные навыки, угол зрения, которые присущи ему всегда, а не только тогда, когда он занимается математикой. Так и человек, старающийся всегда и во всем быть справедливым, в конце концов развивает в себе то качество

характера, которое называется справедливостью. Именно качество характера, а не отдельные поступки имеем мы в виду, когда говорим о добродетели.

Различие это важно понять, ибо, приравнивая отдельные поступки к качеству характера, мы рискуем ошибиться трижды.

1. Мы могли бы подумать, что если поступили правильно, то не важно, как и почему мы так поступили - добровольно или по принуждению, сетуя или радуясь, из страха перед людьми или ради самого дела. Истина же в том, что добрые поступки, совершенные не из добрых побуждений, не способствуют тому качеству характера, имя которому добродетель. А именно оно и имеет значение. Если плохой теннисист ударит по мячу изо всех сил не из-за того, что в данный момент нужен такой удар, а из-за того, что он потерял терпение, то по чистой случайности это может помочь ему выиграть партию, но никак не поможет стать надежным игроком.

2. Мы могли бы подумать, что Бог хочет от нас подчинения определенному своду правил, тогда как на самом деле Он хочет, чтобы мы стали людьми особого сорта.

3. Мы могли бы подумать, что добродетели необходимы только для этой жизни, а в другом мире не надо стараться быть справедливыми, потому что там нет причин для раздоров; не надо проявлять смелость, потому что там нет опасности. Возможно, все это так, и в мире ином нам не представится случая бороться за справедливость или проявлять храбрость. Но нам, безусловно, потребуется быть людьми такого сорта, какими мы могли стать, только если мужественно вели себя здесь, боролись за справедливость в нашей, земной жизни. Суть не в том, что Бог не допустит нас в Свой вечный мир, если мы не обладаем определенными свойствами характера, а в том, что если здесь мы не обретем по крайней мере зачатков этих качеств, никакие внешние условия не смогут создать для нас "рая", то есть - дать глубокое, незыблемое, великое счастье, какого желает для нас Бог.

3. Общественные нормы поведения

Когда мы говорим о той части христианской морали, которая касается человеческих отношений, прежде всего необходимо понять, что Христос приходил не для того, чтобы проповедовать какую-то совершенно новую мораль. Золотое правило Нового Завета - поступай с другими так, как ты хотел бы, чтобы поступали с тобой (1), - лишь выражает коротко то, что в глубине души каждый считает истиной. Великие учителя нравственности никогда не предлагали каких-то новых правил, этим занимались шарлатаны и маньяки. Кто-то сказал: "Людям гораздо чаще надо напоминать, чем учить их чему-то новому". Истинная задача каждого учителя нравственности в том, чтобы снова и снова возвращать нас к простым, старым принципам, которые мы то и дело упускаем из виду. Так мы снова и снова подводим лошадь к барьеру, через который она отказывается прыгать; так снова и снова заставляем ребенка возвращаться к тому разделу урока, от которого он норовит увильнуть.

И еще одно надо понять: у христианства нет разработанной политической программы, которая помогла бы применить принцип: "Поступай с другими так, как ты хотел бы, чтобы поступали с тобой". Нет и быть не может; мы и не говорим, что она есть. Ведь оно рассчитано на всех людей, на все времена, а конкретная программа, подходящая для какого-то одного времени и места, не подошла бы для других. Да и принцип работы у него иной. Когда оно говорит вам, чтобы вы накормили голодного, то не дает вам урока кулинарии. Когда говорит, чтобы вы читали Библию, то не преподает вам древнееврейскую, или греческую, или, скажем, английскую грамматику. Христианство никогда не собиралось подменить собою или вытеснить ту или иную отрасль человеческого знания; оно скорее направляющий фактор, некий руководитель, который каждой отрасли знания (или искусства) отводит соответствующую роль; источник энергии, который способен вдохнуть в них новую жизнь, если только они отдадут себя в полное его распоряжение.

Люди говорят: "Церковь должна руководить нами". Это верно, если верно их представление о церкви, и неверно, если оно неправильно. Под церковью следует

подразумевать всех истинно и активно верующих христиан земли вместе взятых. Тогда тезис "Церковь должна руководить нами" обретает такое содержание: те христиане, которые наделены соответствующими талантами, должны быть, скажем, экономистами и государственными деятелями, а все экономисты и государственные деятели должны быть христианами; и все их усилия в политике и экономике должны быть направлены на то, чтобы претворить в жизнь золотое правило Нового Завета.

Если бы так случилось и если бы мы, остальные, были действительно готовы это принять, тогда мы довольно быстро нашли бы христианское решение всех наших социальных проблем. Но на самом деле руководством церкви большинство называет некий направляемый духовенством политический курс или особую политическую программу, созданную церковными деятелями. Это глупо. Церковнослужители - люди в пределах церкви, избранные и подготовленные, чтобы заниматься такими вещами, которые важны для нас, потому что мы предназначены для вечной жизни. А мы просим их взяться за дело, которому они никогда не учились. Заниматься политикой и экономикой, отвечать за них надо нам, рядовым верующим. Применять христианские принципы к профсоюзной деятельности или к образованию должны профсоюзные деятели и учителя, точно так же, как христианскую литературу создают христианские писатели, а не епископы, собравшиеся вместе и пытающиеся писать в свободное время повести и романы.

И тем не менее Новый Завет, не вдаваясь в детали, дает нам довольно ясный намек на то, каким должно быть истинно христианское общество. Возможно, он дает нам немного больше, чем мы готовы принять. В Новом Завете говорится, что в таком обществе нет места паразитам: "Кто не работает, да не ест". Каждый должен трудиться, труд каждого приносит пользу; такое общество не нуждалось бы в производстве глупой роскоши и в еще более глупой рекламе, убеждающей эту роскошь покупать. В таком обществе нет чванливости, самовосхваления, притворства.

С одной стороны, христианское общество соответствовало бы идеалу сегодняшних "левых". С другой - христианство решительно настаивает на послушании, покорности (и внешнем уважении) представителям власти, которые соответствуют занимаемой должности, на покорности детей родителям и (боюсь, это требование уж очень непопулярно) покорности жен своим мужьям.

Кроме того, общество это должно быть жизнерадостным. Беспокойство и страх в нем - отклонение от нормы. Естественно, члены его вежливы друг с другом, ибо вежливость - тоже одна из христианских добродетелей.

Если бы такое общество действительно существовало и нам с вами посчастливилось бы его посетить, оно произвело бы на нас любопытное впечатление. Мы увидели бы, что экономическая политика напоминает социалистическую и, по существу, - прогрессивна, а семья и стиль поведения выглядят довольно старомодно - возможно, они даже показались бы нам церемонными и аристократическими. Каждому из нас понравилось бы что-то, но, боюсь, мало кому понравилось бы все как есть.

Именно этого и следовало бы ожидать, если бы мы на основе христианства пытались составить генеральный план для всего человеческого содружества. Ведь все мы так или иначе отошли от этого плана, и каждый из нас пытается сделать вид, будто изменения, вносимые им, и есть самый план. Вы убеждаетесь в этом всякий раз, когда сталкиваетесь с теми или иными аспектами христианства: каждому нравится что-то одно, это он хотел бы оставить неизменным, отказавшись от всего остального. Поэтому-то нам не слишком удается продвинуться вперед; поэтому люди, борющиеся, в сущности, за противоположные вещи, утверждают, что именно они борются за торжество христианства.

И еще одно - древние греки, евреи Ветхого Завета и великие христианские мыслители средневековья дали нам совет, который совершенно игнорирует современная экономическая система. Все люди прошлого предостерегали: не давайте деньги в рост. Однако одалживание денег под проценты - то, что мы называем "помещением капитала", - основа всей нашей системы. Делать отсюда категорический вывод, что мы не правы, не

стоит. Некоторые люди говорят: Моисей, Аристотель и христиане считали, что "ростовщичество" надо запретить, ибо они не могли предвидеть акционерных обществ, имели в виду только ростовщиков, и предостережение их не должно нас беспокоить.

Тут я ничего не могу сказать. Я не экономист и просто не знаю, виновата или нет эта система в состоянии современного общества. Именно здесь нам и нужен христианин-экономист. Но просто нечестно скрыть, что три великие цивилизации единодушно (по крайней мере, на первый взгляд) осудили то, на чем основана вся наша жизнь.

Наконец, последнее. В том стихе Нового Завета, где говорится, что каждый должен работать, есть и причина: "...трудись, делая своими руками полезное; чтобы было из чего уделять нуждающемуся!" (Еф. 4:28). Благотворительность, забота о бедных - существенная часть христианской морали. В пугающей притче об овцах и козлах⁽²⁾ дается как бы стержень, вокруг которого вращается все остальное. Теперь говорят, что благотворительность не нужна. Мы просто должны создать такое общество, в котором не будет бедных. Возможно, они абсолютно правы, такое общество мы создать должны. Но если кто-нибудь полагает, что из-за этого можно уже сейчас прекратить благотворительную деятельность, он отходит от христианской морали. Не думаю, чтобы кто-нибудь точно установил, сколько давать бедным. Боюсь, единственный способ избежать ошибки - давать больше, чем мы можем отложить. Иными словами, если мы расходуем на удобства, роскошь, удовольствия приблизительно столько же, сколько другие люди с таким же доходом, то на благотворительные цели мы, видимо, даем слишком мало. Если, давая, мы не ощущаем никакого ущерба для себя, значит, мы даем недостаточно. Должны быть такие вещи, от которых приходится отказаться, потому что наши расходы на благотворительность делают их недоступными. Я говорю сейчас об обычных случаях. Когда случается несчастье с нашими родственниками, друзьями, соседями или коллегами, Бог может по требовать гораздо больше, вплоть до того, что само наше благополучие окажется под угрозой. Для многих из нас главное препятствие - не любовь к роскоши или деньгам, а неуверенность в завтрашнем дне. Страх этот чаще всего - искушение. Иногда нам мешает тщеславие - мы тратим больше, чем следует, на показную щедрость (чаевые, гостеприимство) и меньше, чем следует, на тех, кто и впрямь нуждается в помощи.

А сейчас, прежде чем я закончу, постараюсь угадать, как подействовал этот раздел книги на тех, кто его прочитал. Я предполагаю, что среди читателей есть так называемые "левые"; их возмутило, что я не пошел дальше. Люди же противоположных взглядов, вероятно, думают, что я, наоборот, слишком далеко зашел влево. Что ж, в наших проектах христианского общества есть камень преткновения. Дело в том, что большинство из нас не хочет выяснить, что говорит христианство, а надеется найти в христианстве поддержку собственному мнению. Мы ищем союзника там, где нам предлагается либо Господин, либо Судья. К сожалению, и сам я - такой же. В этом разделе есть мысли, которые я хотел бы опустить. Вот почему такие разговоры ни к чему не приведут, если мы не готовы пойти длинным, кружным путем. Христианское общество не возникнет, пока большинство не захочет его по-настоящему; а мы не захотим его по-настоящему, пока не станем христианами. Я могу повторять золотое правило, пока не посинею, но не стану ему следовать, пока не научусь любить ближнего, как самого себя. А я не научусь любить ближнего, как самого себя, до тех пор, пока не научусь любить Бога. Бога я научусь любить только тогда, когда научусь Ему повиноваться. Словом, как я и предупреждал, это ведет нас к проблеме нашего "я", от вопросов социальных - к вопросам религиозным. Ведь самый длинный, кружной путь - кратчайший путь домой.

4. Мораль и психоанализ

Я сказал, что нам не удастся создать христианского общества до тех пор, пока большинство из нас не станут христианами. Это, конечно, не значит, что мы можем от казаться от преобразований общества вплоть до какой-то воображаемой даты. Напротив, надо бы взяться за два дела сразу. Первое - мы должны искать все возможные пути, чтобы применять золотое правило в современном обществе; и второе - мы сами должны

стать такими людьми, которые действительно будут применять это правило, если увидят, как это делается. А сейчас я хочу начать разговор о том, что такое "хороший человек" в христианском понимании.

Прежде чем перейду к деталям, я хотел бы остановиться на двух пунктах более общего характера. Во-первых, христианская мораль называет себя орудием, инструментом, который способен наладить человеческую машину, и я думаю, вам интересно узнать, есть ли что-нибудь общее у христианства с психоанализом, который как будто бы предназначен для той же цели. Тут нам придется установить четкое разграничение между двумя вопросами: между существующими медицинскими теориями и техникой психоанализа, с одной стороны, и общим философским взглядом на мир, который Фрейд и другие связывали с психоанализом, - с другой. Философия Фрейда прямо противоречит христианству и философии еще одного великого психолога, Юнга (1). Когда Фрейд говорит о том, как лечить неврозы, он - специалист в своей области. Когда он переходит к вопросам философии, то превращается в любителя. Поэтому есть все основания прислушиваться к нему в первом случае, но не во втором. Именно так я и поступаю, и тем увереннее, что убедился: когда Фрейд оставляет свою тему и принимается за другую, которая мне знакома (я имею в виду языкознание), то проявляет крайнее невежество. Однако сам психоанализ, независимо от всех философских обоснований и выводов, которые делают из него Фрейд и его последователи, ни в какой мере не противоречит христианству. Его методика перекликается с христианской моралью во многом. Поэтому будет неплохо, если каждый проповедник хоть как-то познакомится с психоанализом. Но надо при этом помнить, что психоанализ и христианская мораль не идут рука об руку от начала и до конца, ибо цели у них разные.

Когда человек делает нравственный выбор, происходят два процесса. Первый - сам акт выбора. Второй - разные чувства, импульсы и тому подобное, зависящие от психологической установки; это как бы сырье, из которого лепится решение. Существуют два вида такого сырья. В основе первого лежат чувства, которые мы называем нормальными, поскольку они типичны для всех. Второй определяется набором более или менее неестественных чувств, вызванных какими-то отклонениями от нормы на уровне подсознания.

Страх перед теми или иными вещами, которые действительно опасны, будет примером первого вида; безрассудный страх перед котами или пауками - примером второго. Стремление мужчины к женщине относится к первому виду; извращенное стремление одного мужчины к другому - ко второму. Что же делает психоанализ? Он старается избавить человека от противоположных чувств, чтобы предоставить ему в момент выбора более доброкачественное сырье. Мораль же имеет дело с самым актом выбора.

Давайте рассмотрим это на примере. Представьте себе, что трое мужчин отправляются на войну. Один из них испытывает естественный страх перед опасностью, свойственный каждому нормальному человеку, он подавляет этот страх с помощью нравственных усилий и становится храбрым. Теперь предположим, что двое других из-за отклонений в подсознании страдают преувеличенным страхом, победить который не дано никаким нравственным усилиям. Представим, что в военное подразделение, где они служат, приезжает психоаналитик, исцеляет их от противоестественного страха, и теперь эти двое ничем не отличаются от первого, нормального мужчины. Психологические проблемы разрешены. Однако тут-то возникает проблема нравственная. Почему? Да потому, что теперь, когда оба они излечились, они могут избрать совершенно разные линии поведения. Первый из них может сказать: "Слава Богу, я избавился от этого идиотского страха. Теперь я могу делать то, к чему всегда стремился, - исполнять свой долг перед Родиной".

Однако другой может рассудить иначе: "Ну что ж, я очень рад, что сейчас я сравнительно спокоен под пулями. Но это, конечно, не меняет моего намерения. Чем лезть в пекло самому, дам-ка кому-нибудь другому, если представится возможность, принять огонь на себя. Вот и хорошо! Теперь я смогу уберечь себя, не привлекая внимания".

Разница - чисто моральная, психоанализ тут бессилён. Как бы вы ни улучшали исходное сырьё, вы все-таки столкнетесь со свободным выбором, который в конечном счёте продиктован тем, на какое место вы ставите свои интересы - на первое или на последнее. Именно нашим свободным выбором - и только им - определяется мораль.

Плохой психологический материал - не грех, а болезнь. Тут нужно не покаяние, а лечение. Это, между прочим, очень важно понимать. Люди судят друг о друге по внешним проявлениям. Бог судит нас на основе того морального выбора, который мы делаем. Когда психически больной человек, испытывающий патологический страх перед кошкой, движимый жалостью, заставляет себя подобрать котенка, вполне возможно, что в глазах Бога он проявляет больше мужества, чем здоровый человек, награжденный медалью за храбрость в сражении. Когда человек, крайне испорченный с детства и привыкший думать, что жестокость - это достоинство, проявляет хоть немножечко доброты или воздерживается от жестокого поступка, рискуя быть осмеянным, он, быть может, делает больше, чем сделали бы мы с вами, пожертвовав жизнью ради друга.

К тому же самому можно подойти и с другой стороны. Многие из нас вроде бы очень милые, славные люди, а на самом деле приносят лишь незначительную часть той пользы, которую могли бы принести с такой хорошей наследственностью и при таком воспитании. Поэтому они хуже, чем те, кого сами считают злодеями. Знаем ли мы, как бы мы себя повели, если бы у нас были психологические комплексы, и плохое воспитание, и, сверх всего, власть, ну, скажем, Гимmlера? Вот почему христианам сказано: не судите (2). Мы видим только плоды, которые получились из сырья, когда человек выбрал. Бог судит не за качество сырья, а за то, как он его использует. Большая часть психологических свойств зависит от физиологии, но когда тело отмирает, остается лишь нетленный, истинный человек, который выбирал и теперь несет ответственность за то, как использовал он сырьё. Добродетельные поступки, которые мы считали проявлением наших собственных достоинств, были, оказывается, плодами хорошего пищеварения, и они не зачтутся нам; не зачтется и другим многое плохое, что совершали они из-за различных комплексов или плохого здоровья. Тогда, наконец, мы впервые увидим каждого таким, какой он есть. Нас ожидает немало сюрпризов.

5. Нравственность в области пола

А теперь мы должны рассмотреть, как относится христианская нравственность к половым отношениям и что христиане называют добродетелью целомудрия. Христианское целомудрие не надо путать с общественными правилами скромности, приличия или благопристойности. Правила приличия устанавливают, до какого предела допустимо обнажать человеческое тело, каких тем можно касаться в разговоре, какие выражения соответствуют обычаям данного круга. Нормы целомудрия - одни и те же для всех христиан во все времена; правила приличия меняются. Девушка с тихоокеанских островов, едва-едва прикрытая одеждой, и викторианская леди в длинном платье, закрытом до самого подбородка, могут быть в равной степени приличными, скромными или благопристойными по стандартам общества, в котором они живут; и обе, независимо от одежды, которую носят, могут быть одинаково целомудренными (или распутными). Слова и выражения, которыми целомудренные женщины пользовались во времена Шекспира, можно было услышать в девятнадцатом веке только от женщины, потерявшей себя. Когда люди нарушают правила пристойности, принятые в их обществе, чтобы разжечь страсть в себе или в других, они совершают преступление против нравственности. Если они нарушают эти правила по небрежности или невежеству, то повинны лишь в плохих манерах. Если, как часто случается, они нарушают эти правила намеренно, чтобы шокировать или смутить других, это не всегда говорит об их распутстве, скорее - об их злобности.

Только недобрый человек испытывает удовольствие, ставя других в неловкое положение. Я не думаю, чтобы чрезмерно высокие строгости и нормы приличия служили доказательством целомудрия и помогали ему; и потому нынешнее упрощение и облегчение этих норм хвалю, а не ругаю.

Однако тут есть и неудобство: у людей различного возраста и разного типа - различные стандарты приличия. Получается неразбериха. Я думаю, старым людям или людям старомодным надо очень осторожно судить о молодых. Они не должны считать, что молодые или "эмансипированные" испорчены, если (по старым стандартам) они ведут себя неприлично. И наоборот, молодым не следует называть старших ханжами или пуританами, если те не могут принять новые стандарты. Если бы мы захотели видеть в других все хорошее, что в них есть, и делать все возможное, чтобы эти "другие" чувствовали себя как можно легче и удобнее, решилось бы множество проблем.

Целомудрие - одна из самых непопулярных христианских добродетелей. Тут нет исключений; христианское правило гласит: "Либо женись и храни абсолютную верность супруге (супругу), либо соблюдай полное воздержание" (1). Это настолько трудно и настолько противоречит нашим инстинктам, что напрашивается вывод: либо не право христианство, либо с нашими половыми инстинктами в их теперешнем виде что-то не в порядке. Либо то, либо другое. Конечно, будучи христианином, я считаю, что неладно с нашими половыми инстинктами.

Но у меня есть и другие основания. Биологическая цель половых отношений - это дети, как биологическая цель питания - восстановление организма. Если мы будем есть, когда нам хочется и сколько хочется, то, скорее всего, мы съедим слишком много, но все-таки не катастрофически много. Один человек может есть за двоих, но не за десятерых. Аппетит переходит границу биологической цели - но не чрезмерно. А вот если молодой человек даст волю половому аппетиту и если от каждого акта родится ребенок, то за десять лет этот молодой человек сможет заселить своими потомками небольшой город. Этот аппетит несоразмерно выходит за границу своих биологических функций. Рассмотрим это с другой стороны. На представление стриптиза вы можете легко собрать огромную толпу. Всегда найдутся желающие посмотреть, как раздевается женщина. Предположим, мы приехали в какую-то страну, где театр можно заполнить зрителями, собравшимися ради довольно странного зрелища: на сцене стоит блюдо, прикрытое салфеткой, затем ее медленно поднимают, постепенно открывая взгляду то, что на блюде; и, перед тем как погаснут театральные огни, каждый зритель увидит, что там лежит баранья отбивная или кусок ветчины. Не придет ли вам в голову, что у жителей этой страны что-то неладное с аппетитом? Ну а если кто-то выросший в другом мире увидел бы стриптиз, не подумал бы он, что с нашим половым инстинктом что-то не в порядке? 1 Споря со мной, один человек заметил, что, если бы он обнаружил такую страну, он решил бы, что народ в этой стране голодает. Он хотел сказать, что увлечение стриптизмом похоже не на половое извращение, а, скорее, на половой голод. Согласен, если в какой-то стране люди проявляют живой интерес к раздеванию отбивной, то одно из объяснений - голод. Однако сделаем следующий шаг, проверим нашу гипотезу, выяснив, много или мало ест житель этой страны. Если наблюдения покажут, что едят здесь немало, нам придется отказаться от первой гипотезы и поискать другое объяснение. Так и с зависимостью между половым голодом и интересом к стриптизу: надо выяснить, превосходит ли половое воздержание нашего века половое воздержание других столетий, когда стриптиза не было. Нет, не превосходит. Противозачаточные средства резко снизили риск, связанный с половыми излишествами и с ответственностью за них и в браке, и вне брака; общественное мнение стало гораздо снисходительнее к незаконным связям и даже к извращениям по сравнению со всеми остальными веками после языческих времен. К тому же гипотеза о "половом голоде" - не единственное объяснение. Каждый знает, что половой аппетит, как и всякий другой, стимулируют излишествами. Вполне возможно, что голодающий много думает о еде. Много думает и обжора.

И еще одно, третье соображение. Немногие хотят есть то, что не пригодно для еды, или делать с пищей то-то другое. Иными словами, извращенный аппетит крайне редок. А вот извращений сексуальных - очень много, они просто пугают и с трудом поддаются лечению. Мне не хотелось бы вдаваться во все это, но придется. Приходится потому, что последние двадцать лет нас день за днем кормили отборной ложью о сексе. Нам повторяли до тошноты, что половое желание так же правомерно, как и любое другое; нас убеждали, что, откажись мы от глупой викторианской идеи это желание подавлять, все в

нашем человеческом саду станет хорошо. Это - неправда. Как только вы, отвернувшись от пропаганды, переведете взгляд на факты, вы увидите, что это ложь.

Вам говорят, что половые отношения пришли в беспорядок из-за того, что их подавляли. Но последние двадцать лет их не подавляют, о них судачат повсюду круглые сутки, а они не пришли в норму. Если вся беда в том, что их подавляли и замалчивали, с наступлением свободы проблема должна бы разрешиться. Однако этого нет. Я считаю, что все было как раз наоборот: когда-то, в самом начале, люди начали избегать этого вопроса именно из-за того, что он выходил из-под контроля, вызывал дикую неразбериху.

Современные люди говорят: "В половых отношениях нет ничего постыдного". Подразумевать они могут две вещи. Они могут иметь в виду, что нет ничего постыдного в том, что люди воспроизводят себя определенным способом, и в том, что способ этот сопряжен с удовольствием. Если так, то они правы. Христианство с этим согласно. Беда не в самом способе и не в удовольствии. В старину христианские наставники говорили: "Если бы человек не пал, то получал бы гораздо больше удовольствия от половых отношений, чем получает теперь". Да, туповатые христиане внушили нам, что с точки зрения христианства тело, половые отношения, физические удовольствия - дурны сами по себе. Эти люди совершенно не правы. Христианство - едва ли не единственная из всех религий, которая хорошо относится к телу, считает, что материя - это благо; что Сам Бог однажды облекся в человеческое тело; что нам будет дано какое-то новое тело даже на небесах и тело это станет существенной частью нашей радости, красоты и силы. Христианство возвеличило брак больше, чем любая другая религия, и почти все великие поэмы о любви написаны христианами. Если кто-нибудь говорит, что половые отношения - зло, христианство тут же возражает. Но когда люди говорят: "В половых отношениях нет ничего постыдного", они могут подразумевать, что нет ничего предосудительного в том, каковы эти отношения сегодня.

Если они это имеют в виду, то, я думаю, они не правы. Современное положение - весьма и весьма постыдное. Нет ничего постыдного в наслаждении едой; но было бы очень позорно для человечества, если бы половина земного шара сделала пищу главным интересом своей жизни и проводила время, глядя на ее изображения, облизываясь и пуская слюну. Я не хочу сказать, что мы с вами ответственны за все это. Мы страдаем от искаженной наследственности, которую передали нам предки. Кроме того, мы выросли под гром проповедей, призывающих к невоздержанию. Есть люди, которые ради прибыли хотят, чтобы наши половые инстинкты были постоянно возбуждены, потому что человек, одержимый навязчивой идеей или страстью, едва ли способен удержаться от расходов на ее удовлетворение. Бог знает о нашем положении и, когда Он будет нас судить, учтет все, что нам приходилось преодолевать. Важно только, чтобы мы искренне и настойчиво хотели это преодолеть.

Мы не можем исцелиться прежде, чем захотим. Те, кто действительно ищет помощи, получают ее. Но многим современным людям даже пожелать этого трудно. Легко думать, будто мы хотим чего-то, когда на самом деле мы этого не хотим. Давно еще один известный христианин сказал, что когда он был молодым, то постоянно молился, чтобы Бог наделил его целомудрием. И лишь много лет спустя он понял, что, пока его губы шептали: "О Господи, сделай меня целомудренным", сердце добавляло: "Только, пожалуйста, не сейчас". То же самое может случиться и с молитвами о других добродетелях.

Нам особенно трудно желать целомудрия по трем причинам; я уже не говорю о том, чтобы достичь его.

Во-первых, наша искаженная природа, бесы, искушающие нас, и вся пропаганда похоти, объединившись, внушают нам, что желания, которым мы противимся, так естественны, разумны, полезны, что сопротивление им - своего рода ненормальность, почти извращение. Афиша за афишей, фильм за фильмом, роман за романом связывают склонность к половым излишествах с физическим здоровьем, естественностью, молодостью, открытым и веселым нравом.

Параллель эта лжива. Как всякая сильно действующая ложь, она замешена на правде, о которой мы говорили выше: половое влечение само по себе (без излишеств и извращений) - нормальный и здоровый инстинкт. Ложь - в предположении, что любой половой акт, которого вы желаете вот сейчас, здоров и нормален. Даже если оставить христианство в стороне, с точки зрения элементарной логики это лишено смысла. Ведь уступка всем желаниям ведет к импотенции, болезням, ревности, лжи и всему тому, что никак не согласуется со здоровьем, веселым нравом и открытостью. Чтобы достичь счастья даже в этом мире, необходимо как можно более воздерживаться. Поэтому нет оснований считать, что любое сильное желание естественно и разумно. Каждому здравомыслящему и цивилизованному человеку должны быть присущи какие-то принципы, руководствуясь которыми он одни свои желания осуществляет, другие отвергает. Один человек руководствуется христианскими принципами, другой - гигиеническими, третий - социальными. Настоящий конфликт происходит не между христианством и "природой", а между христианскими принципами и принципами контроля над "природой". Ведь "природу" (то есть желания естественные) так или иначе приходится контролировать, сели мы не хотим разрушить свою жизнь. Да, христианские принципы строже других. Но христианство само помогает верующему соблюдать их, тогда как соблюдая другие принципы, вы никакой внешней помощи не получите.

Во-вторых, многих отпугивает самая мысль о том, чтобы принять всерьез христианское целомудрие, ибо они считают (прежде чем попробовали), что это невозможно. Но, испытывая что бы то ни было, нельзя думать о том, возможно ли это. Над экзаменационной задачей человек не раздумывает, но старается сделать все, на что способен. Даже самый несовершенный ответ как-то оценят; если же вообще не ответить на вопрос, то и оценки не будет. Не только на экзаменах, но и на войне, на катке, в горах; когда мы учимся плавать или ездить на велосипеде, даже когда застегиваем тугую воротник замерзшими пальцами, мы часто совершаем то, что казалось невозможным, прежде чем мы пробовали. Поразительно, на что мы способны, когда заставляет необходимость.

Мы можем быть уверены в том, что совершенного целомудрия, как и совершенного милосердия, не достигнуть одними человеческими усилиями. Придется попросить Божьей помощи. Даже после того, как вы ее попросили, вам долго может казаться, что вы этой помощи не получаете или получаете ее мало. Не падайте духом; всякий раз, когда оступитесь, просите прощения, собирайтесь и делайте новую попытку. Очень часто Бог поначалу дает не самую добродетель, а силы на все новые и новые попытки. Какой бы важной добродетелью ни было целомудрие (или храбрость, или правдивость, или любое другое достоинство), самый процесс развивает в нас такие душевные навыки, которые еще важнее. Этот процесс освобождает нас от иллюзий и учит во всем полагаться на Бога. Мы учимся тому, что не можем положиться на самих себя даже в наши лучшие моменты, тому, что при самых ужасных неудачах не надо отчаиваться, ибо они прощены. Единственной роковой ошибкой было бы успокоиться на том, какие мы есть, и не стремиться к совершенству.

В-третьих, люди часто превратно понимают то, что в психологии называется "подавлением". Психология учит, что "подавляемые половые инстинкты" - серьезная опасность. Но слово "подавляемый" - технический термин. Оно не значит "пренебрегаемый" или "отвергаемый". Подавленное желание или мысль отбрасывается в подсознание (обычно - очень рано) и может возникнуть в сознании только до неузнаваемости видоизмененным. Подавленные половые инстинкты могут проявляться в том, что на имеет никакого отношения к полу. Когда подросток или взрослый сопротивляется какому-то осознанному желанию, он ни в коей мере его не "подавляет". Напротив - те, кто серьезно пытается хранить целомудрие, лучше осознают половую сторону своей природы и знают о ней гораздо больше, чем другие. Они знают свои желания, как Веллингтон знал Наполеона или как Шерлок Холмс знал Мориарти; они разбираются в них, как крысолов в крысах, слесарь - в протекающих трубах. Добродетель - пусть даже не достигнутая, желаемая - приносит свет; излишества лишь затуманивают сознание. Мне пришлось так долго говорить о сексе, но я хочу, чтобы вы ясно поняли: центр христианской морали - не здесь. Если кто-нибудь полагает, что недостаток

целомудрия христиане считают наивысшим злом, то он заблуждается. Грехи плоти - очень скверная штука, но они наименее серьезны из всех грехов. Самые ужасные, вредоносные удовольствия чисто духовны: это удовольствие склонять других к злу; навязывать другим свою волю, клеветать, ненавидеть, стремиться к власти. Во мне живут два начала, соперничающие с тем "внутренним человеком", которым я хотел бы стать, - животное начало и бесовское. Второе - гораздо хуже. Вот почему холодный, самодовольный педант, регулярно посещающий церковь, бывает намного ближе к аду, чем проститутка. Но, конечно, лучше всего не быть ни тем, ни другой.

6. Христианский брак

Последняя глава в отрицательном свете трактовала проявление половых импульсов; я почти не коснулся положительных сторон христианского брака. Обсуждать супружеские отношения я не хотел бы по двум причинам. Первая - в том, что христианское учение о браке крайне непопулярно. А вторая - в том, что сам я не был женат и, следовательно, могу говорить только с чужих слов. И все же я думаю, что, рассуждая о христианской морали, едва ли можно обойти их стороной. Христианская идея брака стоит на словах Христа о том, что муж и жена - единый организм. Ведь именно это означают слова "одна плоть"(1). Христиане полагают, что, когда Он произносил их, Он просто констатировал факт, как констатируют факт слова, что замок и ключ - единый механизм или скрипка и смычок - один музыкальный инструмент. Он, Изобретатель человеческой машины, сказал нам, что две ее половины - мужская и женская - созданы для того, чтобы соединиться в пары, причем не только ради половых отношений; союз этот должен быть всесторонним. Половые связи вне брака тем и уродливы, что человек пытается отделить одну сторону (половую) от всех остальных. Между тем именно в неразделимости их - залог полного совершенного союза. Христианство не считает, что удовольствие, получаемое от половых отношений, более греховно, чем, скажем, удовольствие от еды. Но оно считает, что нельзя прибегать к ним лишь как к источнику удовольствия: это так же противоестественно, как, например, наслаждаться вкусом пищи, не глотая и не переваривая, то есть жевать и выплевывать.

Тем самым христианство учит, что брак - союз двух людей на всю жизнь. Разные церкви придерживаются на этот счет не совсем схожих мнений. Некоторые не разрешают развода совсем. Другие разрешают его очень неохотно, только в особых случаях. Очень печально, что между христианами нет согласия в таком важном деле; но справедливость требует сказать, что между собой различные церкви согласны все же гораздо больше, чем с окружающим миром. Для любой церкви развод - ампутация части живого тела, хирургическая операция. Одни считают ее настолько неестественной, что совсем не допускают. Другие допускают развод, но как крайнюю меру, в исключительно тяжелых случаях.

Все они согласны с тем, что это скорее похоже на ампутацию обеих ног, чем на расторжение делового товарищества. Никто из них не принимает современной точки зрения на развод; теперь ведь считают, что, разводясь, люди как бы производят реорганизацию, необходимую, если между ними больше нет любви или один из них полюбил кого-то другого.

Прежде чем мы перейдем к этой точке зрения и ее связи с целомудрием, следовало бы проследить ее связь с другой добродетелью, справедливостью. Справедливость включает в себя верность обещаниям. Каждый, кто венчался в церкви, торжественно и публично обещал хранить верность своему супругу до смерти. Сдержатъ его он должен независимо от их половых отношений. Обещание это схоже с всеми другими. Если половое влечение и впрямь ничем не отличается от других наших импульсов, то и относиться к нему следует как к любому из них. Как всякую тягу к излишества, его надо контролировать. Если же половой инстинкт отличается от других тем, что болезненно воспален (именно так думаю я), то мы должны относиться к нему с особенной осторожностью, чтобы он не толкнул нас на бесчестный поступок.

На это кто-нибудь возразит, что обещание, данное в церкви - простая формальность, которую он не собирался соблюдать. Кого же он думал обмануть? Бога? Это неумно. Себя? Тоже не умнее. Невесту, ее родных? Это - предательство. Чаще всего, я думаю, молодожены (или один из них) надеется обмануть публику. Они хотят респектабельности, связанной с браком, но не желают платить за нее. Такие люди - обманщики и самозванцы. Если они к тому же рады, что кого-то надули, мне нечего им сказать - кто станет навязывать высокий и трудный долг целомудрия тем, у кого еще не пробудилась тяга к честности? Если же они образумились, то обещание будет их сдерживать, и они станут вести себя, откликаясь на зов справедливости, а не целомудрия. Если люди не верят в постоянный брак, им, пожалуй, лучше жить вместе, не вступая в него. Это честнее, чем давать клятвы, которых ты не намерен исполнять. Конечно, совместная жизнь вне брака - это (с точки зрения христианства) грех прелюбодеяния. Но нельзя избавиться от одного порока, добавив к нему другой; распущенность не исправишь, добавив к ней клятвопреступление.

Очень популярная в наши дни идея, что единственное оправдание брака - любовь между супругами, вообще не оставляет места для брачных обетов. Если все держится на влюбленности, обещание теряет смысл и давать его не следует. Любопытно, что сами влюбленные, пока еще влюблены, знают это лучше, чем те, кто о них рассуждает - Честертон как-то сказал, что влюбленным присуща естественная склонность связывать друг друга обещаниями. Любовные песни во всем мире полны клятв в вечной верности. Христианский закон не навязывает влюбленным того, что чуждо самой природе любви; он требует, чтобы они серьезно относились к тому, на что вдохновляет их страсть.

Конечно, обещание, данное, когда я влюблен, и потому, что я влюблен, обещание хранить верность всю жизнь, обязывает меня быть верным даже в том случае, если любовь прошла. Ведь оно относится только к действиям и поступкам, то есть к тому, что я могу контролировать. Никто не вправе обещать, что будет всегда испытывать одно и то же чувство. С таким же успехом мы обещаем никогда не страдать головной болью или не быть голодным. Какой же смысл держать двух людей вместе, если они больше не любят друг друга? На это серьезные причины, скорее социальные: нельзя лишать детей семьи; надо защитить женщину (которая, возможно, пожертвовала работой, выходя замуж) от того, что муж ее бросит, как только она ему наскучит. Но есть еще одна причина, в которой я убежден, хотя мне не совсем легко объяснить ее.

И вот почему: слишком многие просто не могут понять, что если Б лучше, чем В, то А может быть еще лучше, чем Б. Они предпочитают понятия "хороший" и "плохой", а не "хороший", "лучший" и "самый лучший" или "плохой", "худший" и "самый худший". Они хотят знать, считаете ли вы патриотизм хорошим качеством. Вы отвечаете, что, конечно, патриотизм - качество хорошее, гораздо лучше, чем эгоизм, но всеобщая братская любовь - выше патриотизма, и если они вступают в конфликт, то предпочесть надо братскую любовь. Казалось бы, вы дали полный ответ, но ваши оппоненты видят в нем лишь желание увильнуть. Они спрашивают, что вы думаете о дуэли. Вы отвечаете, что простить человеку оскорбление гораздо лучше, чем сражаться с ним. Однако даже дуэль лучше, чем ненависть на всю жизнь, которая проявляется в тайных попытках унижить человека и всячески повредить ему. Если вы это скажете, от вас отойдут, жалуясь, что вы не хотите ответить прямо. Я очень надеюсь, что никто из читателей не отнесется так к тому, о чем я собираюсь говорить. Влюбленность - просто дивное состояние, и во многом - полезное. Оно помогает нам стать великодушными и мужественными, раскрывает перед нами не только красоту любимого существа, но и красоту, разлитую в мире, и, наконец, контролирует (особенно вначале) наши животные половые инстинкты. В этом смысле любовь - великая победа над похотью. Никто не станет отрицать в здравом уме, что влюбленность лучше обычной чувственности или холодной самовлюбленности. Но, как я сказал прежде, опаснее всего следовать какому-то из импульсов нашей природы любой ценой, ни перед чем не останавливаясь. Быть влюбленным - хорошо, но не самое лучшее.

Многое меркнет перед влюбленностью; но кое-что выше ее. Вы не можете класть это чувство в основание всей своей жизни. Да, оно благородно, но это всего лишь чувство, и нельзя рассчитывать, что оно с одинаковой силой будет длиться всю жизнь. Знание,

принципы, привычки могут быть долговечны; чувство приходит и уходит. И в самом деле, что бы ни говорили, влюбленность преходяща. Да и то сказать, если бы люди пятьдесят лет испытывали друг к другу точно то же, что в день перед свадьбой, жизнь их была бы не слишком завидной. Кто вынесет постоянное возбуждение и пять лет? Что стало бы с нашей работой, аппетитом, сном, с нашими дружескими связями? Но конец влюбленности, конечно - не конец любви; а любовь - именно любовь, не влюбленность - не просто чувство. Это глубокий союз, поддерживаемый волей, укрепляемый привычкой. Укрепляется она (в христианском браке) и благодатью, о которой просят и которую получают от Бога и муж, и жена. Поэтому они могут любить друг друга даже тогда, когда друг другом недовольны (любите же вы себя, когда недовольны собой). Они могут сохранить любовь и тогда, когда каждый из них влюбился бы в кого-нибудь еще, если бы себе позволил. Влюбленность в самом начале побудила их дать обещание верности. Вторая, более спокойная любовь дает им силы хранить это обещание. Именно на такой любви работает мотор брака. Влюбленность была только вспышкой для запуска. Если вы со мной не согласны, то, конечно, скажете: "Он ничего об этом не знает, потому что сам не женат". Очень возможно, что вы правы. Но прежде чем вы это скажете, убедитесь, пожалуйста, что судите по личному опыту или по жизни своих друзей. Не судите на основании романов и фильмов! Надо очень много терпения и умения, чтобы выделить те уроки, которые нам действительно преподаны жизнью.

Из книг люди нередко получают представление, будто влюбленность может длиться всю жизнь, если вы не ошиблись при выборе. Отсюда вывод: если этого нет, значит, ты ошибся, надо сменить партнера. Те, кто так думает, не понимают, что и восторг новой любви постепенно угаснет. Ведь и в этой форме жизни, как и в любой другой, возбуждение приходит вначале, но не остается навсегда. То возбуждение, которое испытывает мальчишка при первой мысли о полете, уляжется, когда он придет в авиацию и начнет учиться. Восторг, который теснит вам душу, когда вы впервые попадете в прекрасное место, постепенно гаснет, если вы там поселитесь. Значит ли это, что лучше не учиться летать и не переселяться в красивые места? Нет. В обоих случаях, пройдя через первую фазу, вы почувствуете, как первоначальное возбуждение сменяется спокойным и постоянным интересом. Более того (я едва нахожу слова, чтобы выразить, какое значение этому придаю), только те, кто готов примириться с потерей трепета и довольствоваться трезвым интересом, способны обрести новые радости. Человек, который научился летать и стал хорошим пилотом, слышит музыку сфер. Человек, который поселился в прекрасном месте, радуется, насаждая в нем сад.

Я думаю, Христос имел в виду и это, когда сказал, что ничто не может жить, пока не умрет (1). Не пытайтесь удерживать удовольствие, питаемое возбуждением, это опасная ошибка. Дайте возбуждению пройти, дайте ему умереть, переживите это и перейдите к спокойной заинтересованности, к счастью. Сделайте так - и вы увидите, что все время живете в мире новых радостей. Если же вы попытаетесь искусственно включить восторги в свое повседневное меню, то обнаружите, как они слабеют, все реже посещая вас; и вот уже вы доживаете жизнь преждевременно состарившимся, утратившим иллюзии человеком, которому все наскучило. Именно из-за того, что очень немногие это понимают, вокруг столько людей, ворчащих, что юность прошла попусту. Нередко они сетуют на ушедшую юность в таком возрасте, когда перед ними еще должны открываться новые горизонты. Гораздо интереснее научиться плавать, чем бесконечно (и безнадежно) возвращать чувство, которое вы испытали, когда впервые надели ласты.

Очень часто в романах и пьесах вы находите мысль, будто влюбленности невозможно противиться. Она поражает вас, как, к примеру, корь. Некоторые в это верят и, хотя женаты, срывают предохранитель с чувств при встрече с привлекательной женщиной. Однако я склонен думать, что в жизни такие непреодолимые страсти посещают нас (во всяком случае - взрослых людей) гораздо реже, чем в книгах. Когда мы встречаем человека красивого, умного, привлекательного, мы в каком-то смысле должны полюбить его прекрасные качества, должны восхищаться ими. Но не от нас ли зависит, перерастет ли восхищение в то, что мы зовем влюбленностью? Конечно, если мы напичканы романтическими сюжетами и любовными песнями, да еще и выпили, то способны превратить любое восхищение во влюбленность. Если вдоль тропинки вырыта канава,

дождевая вода будет собираться в нее; если мы носим синие очки, все кажется синим. Словом, виноваты мы сами.

Прежде чем мы кончим говорить о разводах, я бы хотел разграничить две вещи, которые часто смешивают. Христианский принцип брака - это одно. Совсем другое - как далеко могут идти христиане, если они избиратели или члены парламента, стараясь привить свой взгляд на брак остальным членам общества? Очень многие считают, что если вы христианин, то должны затруднить развод для всех остальных. Я с этим не согласен. Я, например, возмущен бы, если бы мусульмане постарались запретить нам, остальным, вино. По-моему, церковь должна откровенно признать, что граждане Великобритании в большинстве своем не христиане и, следовательно, от них нельзя ожидать, чтобы они вели христианский образ жизни. Нужны два рода браков: один - регулируемый государством на основании законов, обязательных для всех граждан; другой - регулируемый Церковью на основании тех законов, которые обязательны для всех ее членов. Различие должно быть очень четким, чтобы людям было ясно, какая пара вступает в брак по-христиански, а какая - нет.

Наверное, я сказал достаточно о постоянстве и нерасторжимости христианского брака. Нам остается одно, еще более непопулярное. Христианские жены обещают повиноваться мужьям. В христианском браке глава семьи - мужчина. Тут возникают два вопроса:

1. Почему в семье должен быть главный, не допустить ли равенства?
2. Почему главой должен быть мужчина?

1. Глава в семье должен быть, потому что брак - союз постоянный. Конечно, когда муж и жена живут в согласии, вопрос о главенстве не возникает; и мы должны надеяться, что в христианском браке именно это - норма. Но если возникает разногласие, что тогда? Супругам не избежать серьезного разговора. Допустим, они уже пытались говорить и к согласию не пришли. Что им делать дальше? Они не могут голосовать, их только двое. Либо им придется разойтись в разные стороны, либо один из них должен иметь право решающего голоса. При постоянном браке одна из сторон, в предвидении крайнего случая, должна иметь масть и решать то, что касается семьи. Никакой постоянный союз невозможен без конституции.

2. Если в семье должен быть глава, то почему именно мужчина? Ну что ж, во-первых, хочет ли кто-нибудь всерьез, чтобы главную роль в семье играла женщина? Как я уже сказал, сам я не женат. Однако я вижу, что даже те женщины, которые хотят быть главою в своем доме, обычно не приходят в восторг, видя это у соседей. Скорее всего, они скажут: "Бедный мистер Икс! Почему он позволяет этой ужасной женщине верховодить? Просто не могу его понять?" Мало того - вряд ли женщина будет польщена, если кто-нибудь заметит, что она сама верховодит в семье. Должно быть, есть что-то противоестественное в том, что жена руководит мужем, потому что сами жены несколько смущены этим и презирают таких мужей.

Но есть еще одна причина; и здесь, скажу откровенно, я говорю как холостяк, потому что причину эту лучше видно со стороны. Отношения семьи с внешним миром - так сказать, внешнюю политику - должен, в конечном счете, контролировать муж. Почему? Потому что он обязан быть (и, как правило, бывает) справедливее к посторонним. Женщина сражается за детей и мужа, против всех остальных. Для нее их требования, их интересы перевешивают все. Она - их чрезвычайный поверенный. А муж - следит за тем, чтобы это естественное предпочтение не было очень уж сильным, когда вы общаетесь с другими. За ним должно оставаться последнее слово, чтобы он, в случае необходимости, мог защитить других от семейного патриотизма своей жены. Если кто-нибудь из вас в этом сомневается, позвольте мне задать вам вопрос. Предположим, что ваша собака укусила соседского ребенка или ваш ребенок ударил соседскую собаку. С кем вы предпочли бы иметь дело - с хозяином или с хозяйкой? Если вы замужняя женщина, скажите, пожалуйста: как бы вы ни обожали мужа, не считаете ли вы, что одно в нем плохо - он не может отстоять свои и ваши права перед соседями?

7. Прощение

Я сказал в одной из предыдущих глав, что целомудрие - едва ли не самая непопулярная из христианских добродетелей. Но я не уверен, что был прав. Пожалуй, есть добродетель еще менее популярная. Она выражается в христианском правиле "Возлюби ближнего своего как самого себя". Непопулярна она потому, что христианская мораль включает в понятие "ближнего" и врага. Итак, мы подходим к ужасно тяжелой обязанности прощать своих врагов. Каждый человек соглашается, что прощать - очень хорошо, пока сам не окажется перед альтернативным выбором, прощать или не прощать, ибо прощение должно исходить именно от него. Мы помним, как мы оказались в такой ситуации, когда началась война (2-я мировая - FS). Обычно само упоминание об этой дилемме вызывает бурю, и не потому, чтобы люди считали эту добродетель слишком высокой или трудной. Нет, просто такое прощение кажется им недопустимым, им ненавистна самая мысль о нем... И половина из вас уже готова меня спросить: "А как бы вы относились к гестапо, если бы родились поляком или евреем?"

Я сам хотел бы это знать. Точно так же, как хотел бы знать, что мне делать, если передо мной встанет выбор: умереть мученической смертью или отказаться от веры. Ведь христианство прямо говорит мне, чтобы я не отказывался от веры ни при каких обстоятельствах. В этой книге я не пытаюсь сказать вам, что я мог бы сделать, - я могу сделать очень мало. Я пытаюсь показать вам, что такое христианство. Не я его придумал. И в самой сердцевине его я нахожу слова: "Прости нам долги наши, как и мы прощаем должникам нашим". Здесь нет ни малейшего намека на то, что прощение дается нам на каких-то других условиях. Слова эти совершенно ясно показывают, что если мы не прощаем, то не простят и нас. Двух путей нет. Так что же нам делать?

Что бы мы не пробовали делать, все будет трудно. Но я думаю, две вещи сделать мы можем, и они облегчат нам задачу. Приступая к изучению математики, вы начинаете не с дифференциального исчисления, а с простого сложения. Точно так же, если мы действительно хотим прощать (а все зависит от желания), нам, наверное, лучше начать с чего-то полегче, чем гестапо. Например, с того, чтобы простить мужа, или жену, или родителей, или детей, или ближайших соседей за то, что они сказали или сделали на прошлой неделе. Возможно, на это уйдет все наше внимание. Затем надо понять, что значит "любить ближнего, как самого себя". А как я люблю себя?

Вот сейчас, когда я об этом подумал, я понял, что у меня нет особой нежности и любви к себе самому. Я даже не всегда люблю свое общество. Видимо, слова "возлюби ближнего своего" не означают "испытывай к нему нежность" или "находи его привлекательным". Впрочем, так и должно быть - ведь, как бы вы не старались, вы не заставите себя почувствовать нежность к кому бы то ни было. Хорошо ли я отношусь к самому себе? Считаю ли я себя приятным человеком? Что ж, боюсь, минутами - да (и это, несомненно, худшие мои минуты). Но я люблю себя не поэтому: не потому, что считаю себя очень милым. На самом деле все наоборот, любовь к себе побуждает меня думать, что я, в сущности, очень мил. Значит, и врагов мы можем любить, не считая их приятными людьми. Как хорошо! Ведь очень многие думают, что, прощая своих врагов, мы должны признать, что они, в сущности, не так уж плохи, тогда как ясно, что они плохи, и все.

Давайте продвинемся еще на шаг вперед. В моменты просветления я не только не считаю себя приятным, но нахожу себя просто отвратительным. Я с ужасом думаю о некоторых вещах, которые я совершил. Значит, по всей видимости, можно ужасаться и некоторым поступкам моих врагов. И тут мне вспоминаются слова, давно произнесенные христианами учителями: "Ты должен ненавидеть зло, а не того, кто его совершает". Или иначе: "Ненавидеть грех, но не грешника". Долго я считал это различие глупым и надуманным: как можно ненавидеть то, что делает человек, и при этом не возненавидеть его самого? Позднее я понял, что так и относился к одному человеку, к самому себе. Как бы я ни ненавидел свою трусость или лживость, или жадность, я продолжал любить себя, мне это было совсем нетрудно. Собственно, я ненавидел свои дурные качества потому, что любил себя. Именно поэтому так огорчало меня то, что я делал, каким был я. Следовательно, христианство не побуждает нас ни на грань смягчить ту ненависть,

которую мы испытываем к жестокости и предательству. Мы должны их ненавидеть. Ни одного слова, которое мы сказали о них, не надо забирать обратно. Но христианство хочет, чтобы мы ненавидели их так же, как ненавидим собственные пороки, то есть чтобы мы сожалели, что кто-то мог поступить так, и надеялись, что когда-нибудь, где-нибудь он исправится и снова станет человеком.

Проверить себя можно так: предположим, вы читаете в газете историю о гнусных и грязных жестокостях. На следующий день появляется сообщение, и вы узнаете, что опубликованная вчера история не совсем соответствует действительности, все не так страшно. Скажете ли вы: "Слава Богу, они не такие негодяи, как я думал!" Или будете разочарованы и даже попытаетесь держаться той, первой версии, потому что вам приятно думать, какие это законченные мерзавцы? Если человек испытывает второе чувство, тогда, боюсь, он вступил на путь, который - пройди он его до конца - приведет его в сети дьявола. В самом деле, ведь он хочет, чтобы черное стало еще чернее.

Стоит дать волю этому чувству, и через какое-то время захочется, чтобы серое, а потом и белое тоже стало черным. В конце концов мы захотим все, буквально все - Бога, наших друзей, самих себя - видеть в черном свете. Подавить это уже не удастся. Безудержная ненависть поглотит эту душу навеки.

Попытаемся продвинуться еще на шаг вперед. Означает ли "Возлюби врага своего", что мы не должны его наказывать? Нет; и ведь то, что я люблю себя, не значит, что я всячески должен спасать себя от заслуженного наказания. Если вы совершили убийство, надо сдаться властям и испить чашу даже до смерти. Только это правильно с христианской точки зрения. Поэтому я считаю, что судья-христианин прав, приговаривая преступника к смертной казни; прав и солдат-христианин, когда убивает врага на поле сражения. Я считаю так с тех пор, как сам стал христианином, еще до этой войны. Слова "Не убий" неточно переводят. В греческом языке есть два слова, которые значат "убивать". Но одно из них значит просто "убить", второе - "совершить убийство". Во всех трех Евангелиях - от Матфея, от Марка, от Луки, - где приводится эта заповедь Христа, употреблено именно то слово, которое значит "не совершай убийства". Мне сказали, что такое же различие есть и в древнееврейском языке.

"Убивать" - далеко не всегда то же самое, что "совершать убийство", так же как половой акт - не всегда прелюбодеяние. Когда воины спросили у Иоанна Крестителя, что им делать, он и не намекнул на то, что им надо оставить армию. Ничего такого не требовал и Христос, когда, например, встретился с римским сотником.

Образ рыцаря-христианина, готового во всеоружии защищать доброе дело - один из великих образов христианства. Война - вещь отвратительная, и я уважаю искреннего пацифиста, хотя считаю, что он заблуждается. Кого я не могу понять, так это наших полупацифистов, которые пробуют внушить, что если уж ты вынужден сражаться, то сражайся, но как бы стыдясь и не скрывая, что делаешь это по принуждению. Такой стыд отнимает у прекрасных молодых христиан то, что принадлежит им по праву и всегда сопровождало мужеству - бодрость, радость и великодушие.

Я часто думаю, что бы случилось, если бы, когда я был на фронте во время первой мировой войны, мы с каким-нибудь молодым немцем одновременно убили бы друг друга и сразу же встретились после смерти. Знаете, я не могу себе представить, чтобы кто-то из нас двоих обиделся, рассердился или хотя бы смутился. Думаю, мы просто рассмеялись бы над тем, что произошло.

Конечно, кто-нибудь скажет: "Если человеку дозволено осуждать поступки врага и наказывать, даже убивать его, то в чем разница между христианской и обычной точкой зрения?" Разница есть, и колоссальная. Помните: мы, христиане, верим в то, что человек живет вечно. Поэтому значение имеют только те маленькие отметины на нашем внутреннем "я", которые в конечном счете обращают душу человеческую либо во что-то небесное, либо во что-то адское. Мы можем убивать, если это необходимо, но не должны ненавидеть и упиваться ненавистью. Мы можем наказывать, если надо, но не должны

испытывать при этом удовольствия. Иными словами, надо уничтожить глубоко гнездящуюся в нас враждебность, стремление отомстить за обиды. Я не хочу сказать, что любой человек может прямо сейчас покончить с этими чувствами. Так не бывает. Но всякий раз, когда это чувство шевельнется в глубине нашей души, день за днем, год за годом, всю жизнь мы должны его побеждать. Это тяжелая работа, но не безнадежная. Даже когда мы убиваем или наказываем, надо относиться к врагу, как к себе, то есть хотеть, чтобы он не был таким плохим и надеяться, что он сумеет стать лучше. Словом, мы должны желать ему добра. Вот что имеет в виду Библия: мы должны желать им добра, не питая к ним особой нежности и не говоря, что они - люди хорошие, если они совсем не такие.

Да, нам сказано любить и таких людей, в которых нет ничего, достойного любви. Но, с другой стороны, есть ли в каждом из нас что-нибудь уж очень достойное любви и обожания? Нет, мы любим себя только потому, что это мы сами. Бог же велел нам любить каждого человека точно так же и по той же причине, по которой мы любим себя. В нашей любви к самим себе он дал нам готовый образец, чтобы показать, как эта любовь работает. Воспользовавшись собственным примером, мы должны перенести правило любви на внутреннее "я" других людей. Возможно, нам легче будет это усвоить, если мы вспомним, что именно так любит нас Бог: не за приятные качества, которыми, по нашему мнению, мы обладаем, а просто потому, что мы - люди. Помимо этого нас, право же, любить не за что. Ведь мы способны так упиваться ненавистью, что отказаться от нее нам не легче, чем бросить пить или курить.

8. Величайший грех

Я перехожу сейчас к той части христианской морали, в которой она особенно резко отличается от всех других. Существует порок, от которого не свободен ни один человек на свете; но каждый ненавидит его в ком-то другом, и едва ли кто-нибудь, кроме христиан, замечает его в себе. Я слышал, как люди признаются, что у них плохой характер, или даже в том, что они трусы. Но я не припомню, чтобы когда-либо слышал от нехристианина признание в этом пороке. Зато я очень редко встречал неверующих, которые были бы хоть немного снисходительны к этому пороку в других. Нет порока, который так отвращает от человека, и нет порока, который мы меньше замечаем в себе. Чем больше этот порок у нас, тем больше мы ненавидим его в других.

Я говорю о гордыне, или самодовольстве; противоположную добродетель христиане называют смирением. Вы, может быть, помните, что когда я говорил о целомудрии, то предупредил вас, что центр христианской нравственности не там. И вот мы подошли к этому центру. Согласно христианскому учению, самый главный порок, самое страшное зло - гордыня. Распушенность, раздражительность, пьянство, жадность - все это мелочь по сравнению с ней. Именно из-за нее дьявол стал тем, чем он стал. Гордыня ведет ко всем другим порокам; это - состояние духа, абсолютно враждебное Богу.

Возможно, вам кажется, что я преувеличиваю. Тогда взвесьте еще раз в мои слова. Несколько мгновений назад я сказал: чем больше гордости в человеке, тем сильнее он ненавидит ее в других. Если вы хотите выяснить меру собственной гордыни, проще всего задать себе вопрос: "Очень ли я возмущаюсь, когда меня унижают, или не замечают, или вмешиваются в мои дела, или относятся ко мне покровительственно, или красуются и хвастаются в моем присутствии?" Дело в том, что гордыня каждого человека соперничает с гордыней другого. Именно потому, что я хотел быть самым заметным на вечеринке, меня так раздражает, что кто-то другой привлекает к себе всеобщее внимание.

Надо ясно понять, что гордыне органически присущ дух соперничества, в этом сама ее природа. Другие пороки вступают в соперничество, так сказать, случайно. Она же не довольствуется частью; она удовлетворяется только тогда, когда у нее больше, чем у соседа. Мы говорим, что люди гордятся богатством, или умом, или красотой. Но это не совсем так. Они гордятся тем, что они богаче, умнее или красивее других. Если бы все стали одинаково богатыми, или умными, или красивыми, людям нечем было бы гордиться.

Только сравнение возбуждает в нас гордость - приятно знать, что мы выше остальных. Там, где не с чем соперничать, гордыне нет места. Вот почему я сказал, что дух соперничества присущ ей органически, тогда как о других пороках этого не скажешь. Половое влечение может пробудить дух соперничества между двумя мужчинами, если их привлекает одна и та же девушка. Но это - случайность; ведь они могли бы увлечься разными девушками. Между тем гордый человек уведет вашу девушку не потому, что он ее любит, а только для того, чтобы доказать самому себе, что он лучше вас. Жадность может толкнуть на соперничество, если нам чего-то недостает. Но гордый человек, даже если у него больше, чем ему хотелось бы, постарается приобрести еще больше просто для того, чтобы утвердиться в силе и власти. Почти все зло в мире, которое люди приписывают жадности и эгоизму, на самом деле - плод гордости. Возьмите, к примеру, деньги. Человек жаден до них, потому что хочет лучше проводить отпуск, купить лучший дом, лучшую еду и лучшие напитки. Но этому есть предел. Почему тот, кто получает сорок тысяч долларов в год, стремится к восьмидесяти тысячам? Это уже не просто жадность к удовольствиям; ведь при сорока тысячах роскошная жизнь вполне доступна. Он из гордости хочет стать богаче других и, что еще важнее, - обрести власть, ибо именно власть доставляет гордым особое удовольствие. Ничто не дает такого чувства превосходства, как возможность играть другими людьми, словно оловянными солдатами. Почему молодая девушка сеет несчастье повсюду, где она появится, приманивая поклонников? Конечно, не из похоти: такие девушки чаще всего бесстрастны. Ее толкает на это гордость. Почему политический лидер или целая нация постоянно стремится к новым успехам, не довольствуясь прежними? Опять-таки из гордости. Гордыне присущ дух соперничества. Вот почему ее невозможно удовлетворить. Если я ею страдаю, то пока хоть у кого-то больше власти, богатства или ума, он будет мне соперником и врагом.

Христианство право: именно гордыня порождала самые тяжкие несчастья в каждом народе и в каждой семье. Другие пороки могут иногда спланивать людей; среди тех, кто охоч до выпивки и чужд целомудрия, вы можете обрести веселых приятелей. Но гордыня всегда означает вражду - она и есть сама вражда. И не только вражда человека к человеку, но и человека к Богу.

Бог во всех отношениях неизмеримо превосходит вас. Пока вы этого не поняли, а значит - не поняли и того, что в сравнении с Ним вы - ничто, вы вообще не можете Его познать. Значит, вы не можете познать Его, не отрешившись от гордыни. Ведь гордый человек смотрит свысока на все и на всех; как же увидеть ему то, что над ним!

Тут встает ужасный вопрос. Как возможно, что люди, просто пожираемые гордыней, считают себя очень религиозными? Боюсь, что они поклоняются воображаемому Богу. Теоретически они признают, что перед этим призрачным Богом они - ничто. Но им постоянно представляется, будто этот Бог одобряет их и считает лучше других. Они платят Ему воображаемым, грошовым смирением, а на других людей смотрят гордо, высокомерно. Наверное, Христос думал и о них, когда говорил, что некоторые будут проповедовать Его и именем Его изгонять бесов, но при конце мира услышат, что Он никогда их не знал (1). Любой из нас в любой момент может попасть в эту ловушку. К счастью, у нас есть возможность испытать себя. Всякий раз, когда нам покажется, что наша религиозная жизнь делает нас лучше других, сомневаться незачем - ощущение это не от Бога, а от беса. Вы можете быть уверены, что Бог действительно с вами только тогда, когда совсем забываете о себе или видите себя незначительным и нечистым. Лучше о себе забыть.

Ужасно, что самый страшный из всех пороков способен проникнуть в самую сердцевину нашей религиозной жизни; но и вполне понятно. Другие, менее вредоносные пороки, исходят от беса, действующего через нашу животную природу; а этот проникает в нас иным путем, непосредственно из ада. Ведь природа его - чисто духовная, а значит, и действует он гораздо тоньше и смертоносней. По этой причине гордыня часто может исправлять другие пороки. Учителя, к примеру, нередко взывают к гордости учеников или к их "самоуважению", чтобы те вели себя прилично. Многим удается преодолеть приверженность к дурным страстям или исправить скверный характер, убеждая себя, что

пороки эти ниже их достоинства. Они достигают победы, разжигая в себе гордыню; и, глядя на это, дьявол смеется. Его вполне устраивает, что вы станете целомудренным, храбрым, стойким, если при этом ему удастся подчинить вашу душу диктату гордости, - точно так же он бы не возражал, чтобы вы излечились от озноба, если взамен он передаст вам рак. Ведь гордыня - духовный рак, она пожирает самую возможность любви, радости и даже здравого смысла.

Прежде чем мы покончим с этой темой, я должен предостеречь вас против таких ошибок:

1. Если вы испытываете удовольствие, когда вас хвалят, это не свидетельствует о гордыне. Ребенок, которого похлопали по плечу за хорошо выученный урок; женщина, чьей красотой восхищается возлюбленный; спасенная душа, которой Христос говорит; "Хорошо, верный раб", - все они польщены, и это вполне закономерно. Ведь удовольствие вызывает не то, какие они, а то, что они порадовали кого-то, когда хотели порадовать. Беда начинается, если от мысли: "Я его порадовал, как хорошо!" - перейти к мысли: "Должно быть, я очень хороший человек". Чем больше вы нравитесь себе и чем меньше удовольствия испытываете от похвалы, тем хуже вы становитесь. Если похвала вообще перестает занимать вас и любование самим собою становится единственным источником вашего удовольствия, значит, вы достигли дна. Вот почему тщеславие - та гордость, которая проявляется на поверхности, - пожалуй, наименее опасно и наиболее простительно.

Тщеславный человек жаждет похвалы, аплодисментов, обожания и напрашивается на комплименты. Это - недостаток, но недостаток детский и даже, как ни странно, не очень вредоносный. Он показывает, что удовольствоваться самообожанием вы пока не можете. Вы еще достаточно цените других, чтобы привлечь их внимание. Иными словами, вы еще сохраняете в себе что-то человеческое. Воистину черная, дьявольская гордыня приходит тогда, когда вы считаете всех остальных ниже себя и вас уже не волнует, что они о вас думают. Если в своих словах и поступках мы руководствуемся правильными соображениями, иногда и впрямь не надо ориентироваться на других - несравненно важнее, что о нас думает Бог. Но гордый человек не обращает на других внимания по иной причине. Он говорит: "На что мне одобрение этой толпы? Разве мнение всех этих людей имеет какую-то ценность? Да если бы оно и было так, мне ли краснеть от похвалы, словно девчонке, впервые приглашенной на танец? Я - самостоятельный взрослый человек. Все, что я сделал во имя своих идеалов, я сделал потому, что одарен особым талантом, или я родился в особой семье, словом, потому что я - вот такой. Толпе это нравится? Ее дело! Для меня все они - ничто". Тут настоящая, предельная гордыня может стать противницей тщеславия. Как я сказал выше, дьявол любит лечить мелкие недостатки, подменяя их крупными. Стараясь излечиться от тщеславия, мы не должны звать на помощь гордыню.

2. Мы часто слышим, что кто-то гордится сыном, или отцом, или школой, или службой. Греховна ли такая гордость? Я думаю, все зависит от того, какой смысл мы вкладываем в слово "гордиться". Часто оно для нас - синоним слова "восхищаться". А восхищение, безусловно, очень далеко от греха.

Но бывает и по-другому: слово "гордиться" может значить, что человек чувствует себя важной персоной, потому что у него знаменитый отец или он принадлежит к знатному роду. Хорошего в этом мало, и все-таки это лучше, чем гордиться самим собой. Любя кого-то и восхищаясь кем-то, кроме себя, мы отходим хотя бы на шаг от духовного крушения. Однако подлинное оздоровление не придет к нам до тех пор, пока мы будем любить что-то и преклоняться перед чем-то больше, чем мы любим Бога и преклоняемся перед Ним.

3. Мы не должны думать, будто Бог запрещает гордыню, ибо она оскорбляет Его; что Он требует от нас смирения, чтобы подчеркнуть Свое величие, словно Сам болен гордостью. Думаю, Бога меньше всего занимает Его достоинство. Просто Он хочет, чтобы мы познали Его. Он хочет дать Себя нам. А если мы действительно, по-настоящему соприкасаемся с Ним, то невольно и радостно покоримся, и нам станет гораздо легче, когда мы отделаемся наконец от надуманной чепухи о нашем достоинстве, которая всю жизнь не дает нам

покоя, отнимает радость. Он старается сделать нас покорными, чтобы нам стало легче. Он пытается освободить нас от причудливого, уродливого наряда, в который мы рядимся и еще чванливо охорашиваемся. Хотелось бы и мне стать покорней и смиренней. Если бы я этого добился, то смог бы побольше рассказать вам о том облегчении и удобстве, которые приходят к нам, когда мы снимем с себя маскарадный наряд, отделаемся от фальшивого "я" с его позами и претензиями: "Ну посмотрите, разве не славный я парень?" Даже приблизиться к этой легкости на миг - все равно, что выпить холодной воды в пустыне.

4. Не думайте, что настоящее смирение - вкрадчивость и елейность, когда мы нарочито подчеркиваем собственное ничтожество. Встретив поистине смиренного человека, вы, скорее всего, подумаете, что он веселый, умный и ему очень интересно то, что вы говорили ему. А если он не понравится вам, то, наверное, потому, что вы ощутите укол зависти - как же ему удастся так легко и радостно воспринимать жизнь? Он не думает о своем смирении; он вообще не думает о себе.

Если кто-то хочет стать смиренным, я могу подсказать ему первый шаг: поймите, что вы горды. Шаг этот будет и самым значительным. По крайней мере, ничего нельзя сделать, пока не сделаешь его. Если вы думаете, что не страдаете гордыней, значит, вы ею страдаете.

9. Любовь

В предыдущей главе я сказал, что существуют четыре основные и три теологические добродетели. К теологическим относятся вера, надежда и любовь. О вере я буду говорить в двух последних главах. О любви мы уже беседовали в главе 7, но там я сосредоточил все внимание на той ее стороне, которая выражается в способности прощать. Сейчас я хочу кое-что добавить.

Любовь - не состояние чувств, а, скорее, состояние воли, которое мы воспринимаем как естественное, когда так относятся к нам, и которое учимся (надеюсь) распространять на других.

В главе "Прощение" я сказал, что любовь к себе не свидетельствует о том, что мы себе нравимся. Она означает, что мы желаем себе добра. Точно так же христианская любовь к ближним не обязывает нас восхищаться ими. Одни люди могут нам нравиться, другие - нет. Важно понять, что наши симпатии и антипатии не грех и не добродетель, как, скажем, отношение к еде. Это просто факт. А вот то, как мы претворяем их в жизнь, может стать грехом и добродетелью.

Если нам кто-то нравится, легче быть к нему милосердным, мы должны всемерно поощрять в себе природную любовь к людям (как поощряем мы нашу склонность к спорту или здоровой естественной пище) не потому, что это есть христианская любовь, а потому, что это помогает нам любить. С другой стороны, надо постоянно следить, чтобы приязнь к одним людям не сказалась на любви к другим, не толкнула нас на несправедливый поступок. Ведь бывает и так, что наша склонность вступает в конфликт с христианской любовью к этому же человеку. Например, ослепленная любовью мать может по естественной нежности избаловать своего ребенка - пылкое чувство к сыну или дочери она бессознательно удовлетворяет за счет их благополучия в будущем.

Но хотя естественную симпатию к другим и следует поощрять в себе, это не значит, что без этого никак не обойдешься. Некоторые люди холодны по темпераменту. Возможно, в этом их несчастье, но это не больший грех, чем плохое пищеварение. Однако такой темперамент не освобождает их от обязанности учиться любви. Правило, которое существует для всех нас, очень ясно: не теряйте время, раздумывая над тем, любите ли вы ближнего; поступайте так, словно вы его любите. Как только мы начинаем это делать, мы открываем один из великих секретов: ведя себя так, словно мы его любим, мы постепенно начинаем любить его. Причиняя вред тому, кто нам не нравится, мы замечаем, что от этого он не нравится нам еще больше; сделав же ему что-то хорошее, чувствуем,

что неприязнь стала меньше. Но у этого правила есть одно исключение. Если вы совершили хороший поступок не ради того, чтобы угодить Богу, исполнив закон любви, а для того, чтобы показать, какой вы, в сущности, славный, добрый человек; если вы хотите, чтобы облагодетельствованный вами чувствовал себя вашим должником, и предвкушаете благодарность, вас, скорее всего, ждет разочарование. Ведь люди не глупы. Они сразу видят, когда что-то делается из расчета и напоказ.

Зато всякий раз, когда мы делаем кому-то добро потому, что он - тоже человек, созданный (как и мы с вами) Богом, и потому, что желаем ему счастья, как желаем его себе, мы любим его немножко больше. Или, по крайней мере, меньше не любим.

Вот и получается, что, хотя христианская любовь как-то холодновата для тех, кто чрезмерно склонен к чувствительности, очень не похожа на пылкую симпатию и нежные чувства, ведет она именно к симпатии и нежности. Разница между христианином и мирским человеком не в том, что мирскому человеку присущи лишь симпатии, а христианину - только любовь. Она в том, что мирской человек добр к тем, кто ему нравится, а христианин старается быть добрым к каждому и по мере этого начинает замечать, что люди нравятся ему все больше, даже те, о ком он и подумать тепло не мог.

Тот же духовный закон действует и в обратном направлении. Немцы, возможно, преследовали евреев сначала потому, что их ненавидели. Позже они стали ненавидеть их еще больше из-за того, что преследовали и уничтожали. Чем хуже вы поступаете с человеком, тем больше его ненавидите. Чем больше вы его ненавидите, тем хуже поступаете. Порочный круг замкнулся.

И добро, и зло возрастают в геометрической прогрессии. Вот почему те маленькие решения, которые мы с вами принимаем каждый день, так бесконечно важны. Казалось бы, сегодня вы совершили пустяковое дело - вы взяли крепость, из которой через несколько месяцев сможете двинуться к завоеваниям и победам, прежде недоступным. А незначительная уступка нечистому желанию или гневу обернется потерей горного рубежа, или узловой станции, или укрепления, откуда враг сможет начать атаку, в ином случае - невыносимую.

Некоторые используют понятие "любовь", чтобы описать не только христианскую любовь между людьми, но и любовь Бога к человеку, человека - к Богу. Люди очень беспокоятся из-за последней. Им сказано, что они должны любить Бога, но они не могут найти в себе таких чувств. Что им делать? Ответ все тот же. Они должны поступать так, как если бы они Его любили. Не пытайтесь выжимать из себя эти чувства. Задайте себе вопрос: "Что бы я делал, если бы твердо знал, что люблю Бога?" Найдя ответ, претворите его в жизнь.

В общем, Божья любовь к нам - более безопасный предмет для размышления, чем наша любовь к Нему. Никто не может постоянно испытывать преданность. А если бы мы могли, не этого Бог хочет от нас больше всего. Христианская любовь и к Богу, и к человеку - волевой акт. Стараясь следовать Божьей воле, мы исполняем Его заповедь: "Возлюби Господа Бога твоего"(1). Он Сам даст нам чувство любви, если сочтет нужным. Мы не можем выработать его собственными усилиями, и мы не должны его требовать, словно оно принадлежит нам по праву. Помните великую истину: наши чувства появляются и исчезают, Божья любовь неизменна. Она не становится меньше из-за наших грехов или нашего безразличия и потому не слабеет, когда хочет излечить нас от греха, чего бы это нам ни стоило и чего бы ни стоило Богу.

10. Надежда

Надежда - одна из теологических добродетелей. Постоянные размышления о вечности - не бегство от действительности (как считают теперь некоторые), а одна из тех вещей, которые призван осуществить христианин. Это не значит, что не надо беспокоиться о состоянии современного мира. Читая историю, вы видите, что именно христиане, больше всех помогавшие улучшить этот, здешний мир, больше всех думали о мире грядущем. Сами апостолы, которые положили начало обращению Римской империи, и великие люди,

создавшие культуру средневековья, и английские евангелисты, сокрушившие работорговлю, - все они оставили след на земле именно потому, что ум их был занят мыслями о небе. Лишь по мере того как христиане все меньше думали о мире ином, слабело их влияние в этом мире. Цельтесь в небо - попадете и в землю; цельтесь в землю - не попадете никуда! Это правило кажется странным, но похожее есть и в других областях. Например, здоровье - великое благо, но как только оно станет вашей главной заботой, вам покажется, что оно у вас не в порядке. Думайте побольше о работе, развлечениях, свежем воздухе, вкусной еде - и, вполне вероятно, здоровье вы получите в придачу. И еще: если все наши мысли направлены на то, как усовершенствовать нашу цивилизацию, нам не спасти ее. Для этого надо думать о чем-то ином, а главное - хотеть иного.

Слишком многим из нас очень трудно стремиться к небу, разве что мы надеемся увидеть умерших родственников. Одна из причин - в том, что мы не приучены к этому; вся наша система образования ориентирует разум на этот мир. Другая причина в том, что, когда такое желание появляется, мы его попросту не узнаем. Почти все люди, которые действительно научились бы заглядывать в глубины своего сердца, знали бы: то, чего они желают, и желают очень сильно, в этом мире обрести нельзя. Здесь много такого, что сулит его, но эти обещания не выполняются. Страстная юношеская мечта о первой любви или о заморской стране; волнение, с которым мы беремся за какое-то дело, не удовлетворит ни женитьба, ни путешествие, ни наука. Я говорю не о несчастных браках, неудавшихся каникулах, или несбывшихся ученых карьерах. Я говорю о самых удачных. Сначала, когда наша мечта осуществится, нам кажется, что мы ухватили жар-птицу за яркое ее оперение, но она тут же ускользает от нас. Я думаю, вы все понимаете, о чем я веду речь. Жена может быть очень хорошей, гостиницы и пейзажи - просто отличными, химия - невероятно интересной, но при всем при том что-то от нас ускользает. Можно реагировать на это неверно и верно.

1. *Реакция глупца*. Он винит все и вся. Его не покидает мысль, что, если бы он связал свою жизнь с другой женщиной или отправился в более дорогое путешествие, ему удалось бы поймать то таинственное нечто, которого мы ищем. Почти все скучающие, разочарованные богачи относятся к этому типу. Всю свою жизнь переходят они от одной женщины к другой (оформляя развод и новые браки), переезжают с континента на континент, меняют хобби, не теряя надежды, что вот это-то - настоящее, но разочарование неизменно постигает их.

2. *Реакция утратившего иллюзии здравомыслящего человека*. Он вскоре приходит к заключению, что все эти надежды были пустой мечтой. Конечно, говорит он, когда вы молоды, вы полны великих ожиданий. Но доживите до моего возраста, и вы перестанете гнаться за солнечным зайчиком. На этом он и успокаивается, учится не ожидать от жизни слишком многого и старается заглушить в себе голос, нашептывающий ему о волшебных далях. Это, конечно, гораздо лучше, приносит человеку больше счастья, а сам человек меньше досаждает другим. Обычно он склонен покровительственно, снисходительно относиться к молодым; но вообще жизнь протекает у него довольно гладко. Это было бы лучше всего, если бы нам не предстояло жить вечно. А что, если безграничное счастье есть и ожидает нас где-то? Что, если мы действительно можем поймать солнечный зайчик? Тогда было бы очень печально обнаружить (сразу же после смерти), что "здравый смысл" убил в нас право и возможность наслаждаться этим счастьем.

3. *Реакция христианина*. Христианин говорит: "Все живое рождается на свет с такими желаниями, которые можно удовлетворить. Ребенок испытывает голод, но на то и пища, чтобы его насытить. Утенок хочет плавать; что ж, вот вода. Люди испытывают влечение к противоположному полу; для этого существует половая близость. Если я нахожу в себе такое желание, которое ничто в этом мире не способно удовлетворить, это, вероятнее всего, объясняется тем, что я создан для другого мира. Если ни одно из земных удовольствий не приносит мне подлинного уболаговторения, это не значит, что мироздание обманчиво. Возможно, земные удовольствия и рассчитаны не на то, чтобы удовлетворить ненасытное желание, а на то, чтобы, возбуждая его, манить меня вдаль, где и таится настоящее. Если это так, то постараюсь никогда не приходить в отчаяние и буду

благодарить за эти, земные благословения; а с другой стороны, не стану принимать их копию, эхо, несовершенное отражение за то, что оно отражает. Я должен хранить этот неясный порыв к моей настоящей родине, которую я не сумею обрести, пока не умру. Нельзя допустить, чтобы она скрылась под снегом, или пойти в другую сторону. Я хочу дойти до этой страны и помочь другим. Это станет целью моей жизни".

Надо ли обращать внимание на людей, старающихся высмеять христианскую надежду о небе, когда они говорят, что им не хотелось бы провести всю вечность, играя на арфе. Этим людям я отвечу, что если они не могут понять книг, написанных для взрослых, то не должны и рассуждать о них. Все образы в Священном Писании (арфы, венцы, золото) - это просто попытка выразить невыразимое. Музыкальные инструменты упоминаются в Библии потому, что для многих людей (не для всех) музыка лучше всего передает восторжение и чувство бесконечности. Венцы или короны говорят о том, что люди, объединившиеся с Богом в вечности, разделят с Ним Его славу, силу и радость. Золото символизирует неподвластность времени (ведь оно не ржавеет) и непреходящую ценность. Люди, понимающие все эти символы буквально, с таким же успехом могли бы подумать, что, советуя нам быть как голуби, Христос хотел, чтобы мы несли яйца.

11. Вера

В этой главе я собираюсь поговорить с вами о том, что христиане называют верой. Очевидно, что слово "вера" они используют в двух смыслах или на двух уровнях; и я рассмотрю каждый из них по очереди. В первом случае это слово значит, что мы приняли или признали истиной учение христианства. Довольно просто. Но вот что озадачивает людей, по крайней мере, озадачивало меня: веру в этом смысле христиане считают добродетелью. Помню, я все спрашивал, почему, на каком основании она может быть добродетелью - что нравственного или безнравственного в согласии с какими-то утверждениями? Я говорил, что каждый здравомыслящий человек принимает или отвергает что-то не потому, что он хочет или не хочет принять, а потому, что доводы его убеждают или не убеждают. Если он ошибся, оценивая, насколько они вески, это не значит, что он плохой человек, разве что не особенно умный. Если же, сочтя их неубедительными, он все-таки старается поверить, это просто глупо.

Что ж, я и сегодня так думаю. Но тогда я не видел того, чего многие не видят и по сей день. Я считал, что, если человеческий разум однажды признал что-то истиной, он автоматически будет считать это истиной до тех пор, пока не появится серьезная причина пересмотреть привычную точку зрения. Собственно, я считал, что человеческим разумом управляет только логика. Но это не так. Скажем, на основании веских доказательств я совершенно убежден в том, что обезболивающие средства не вызывают удущья, а опытный хирург не начнет операцию, пока я совсем не усну. Однако, когда меня кладут на операционный стол и я ощущаю эту ужасную маску, меня, словно ребенка, охватывает паника. Мне кажется, что я задохнусь; мне страшно, что меня начнут резать прежде, чем мое сознание отключится. Иными словами, я теряю веру в анестезию. И не потому, что эта вера противоречит рассудку - напротив, им-то она и обоснована. Я теряю ее из-за воображения и эмоций. Битва идет между верой и разумом, с одной стороны, и эмоциями и воображением - с другой.

Когда вы задумаетесь об этом, то в голову вам придет множество примеров. Человек знает на основании достоверных фактов, что его знакомая девушка - большая лгунья, что она не умеет держать секретов и ей нельзя доверять. Но когда он с ней, разум его теряет эту веру, и он начинает думать: "А может быть, на сей раз она другая", - и снова ставит себя в дурацкое положение, рассказывая ей то, чего рассказывать не следовало. Его чувства и эмоции разрушили веру в то, что было правдой, и он это знал.

Или возьмите другой пример: мальчик учится плавать. Он прекрасно понимает умом, что человеческое тело совсем не обязательно пойдет ко дну, если оставить его в воде без поддержки; он видел десятки плавающих людей. Но сможет ли он верить в это, когда инструктор уберет руку и оставит в воде без поддержки именно его? Или внезапно потеряет веру, испугается и пойдет ко дну?

Приблизительно то же происходит с христианством. Я не прошу кого бы то ни было принять Христа, если рассудок его под давлением доказательств говорит ему обратное. Так вера не приходит. Но, предположим, голос рассудка, опять-таки под давлением доказательств, свидетельствует в пользу христианства. Я могу сказать, что случится на протяжении нескольких недель. Наступит момент, когда вы получите плохие известия, или попадете в беду, или встретите людей, не верящих в то, во что вы верите, и тотчас же противоречивые чувства поведут атаку на убеждения. Или придет минута, когда вас потянет к женщине, или вам захочется солгать, или вы собой залюбуетесь, или подвернется случай раздобыть деньги не совсем честно - короче, такая минута, когда было бы удобнее, если бы вся эта христианская вера оказалась выдумкой. И снова желания поведут атаку. Я не говорю о тех случаях, когда вы столкнетесь с новыми логическими доводами против христианства. Таким доводам или фактам надо смело смотреть в лицо, но не об этом речь. Я говорю о тех случаях, когда христианским убеждениям противостоят настроения и чувства.

Вера в том смысле, в каком я сейчас употребляю это слово, - искусство держаться тех убеждений, с которыми разум однажды согласился, независимо от того, как меняется настроение; ведь настроения будут меняться, какую бы точку зрения ты ни принял, я знаю это по личному опыту. Теперь, когда я стал христианином, у меня бывает такое состояние, когда христианская истина представляется мне маловероятной; а в бытность мою атеистом на меня порой находило настроение, когда она казалась мне очень вероятной. Такого мятежа чувств и настроений против вашего истинного "я" вам не избежать. Вот почему вера так необходима. Пока вы не научитесь управлять настроениями, пока вы не укажете им их место, вы не сможете оставаться ни убежденным христианином, ни убежденным атеистом. Вы будете вечно мятущимся существом, чьи убеждения зависят от погоды или от желудка. Следовательно, человек должен развивать в себе привычку веры.

Первый шаг тут - признать, что ваши настроения постоянно меняются. Далее. Если вы однажды приняли христианство, позаботьтесь о том, чтобы каждый день на какое-то время сознательно возвращаться разумом к его основным доктринам. Вот почему ежедневные молитвы, чтение религиозных книг и посещение церкви неотъемлемы от христианской жизни. Нам надо все время напоминать, во что мы верим. Ни христианские убеждения, ни какие бы то ни было другие не закрепляются автоматически. Их необходимо питать. Возьмите сто человек, потерявших веру в христианство, и поинтересуйтесь, сколько из них изменили свои убеждения под воздействием доводов разума? Вы увидите, что большинство отошло от христианства просто так, по инерции.

А сейчас я должен перейти к вере в более высоком значении, и это самое трудное из всего, о чем я говорил. Вначале мы вернемся назад, к смирению. Вы помните, я говорил, что первый шаг на этом пути - признать присущую тебе гордыню? Второй шаг - серьезно попытаться осуществлять христианские добродетели. Одной недели для этого мало - такое короткое время ничего не покажет. Пытайтесь хотя бы шесть недель. Полностью провалившись, вы окажетесь, возможно, ниже того уровня, с которого начали, и обнаружите какую-то правду о себе. Ни один человек не знает, насколько он плох, пока по-настоящему не постарается быть хорошим.

В наши дни, как это ни глупо, думают, что хорошие люди не знают, что такое соблазн. Это - ложь. Только те, которые стараются противостоять искушению, знают его силу. Вы поняли, как сильна немецкая армия, сражаясь против нес, а не сдавшись в плен. Вы познаете силу ветра только тогда, когда идете против него, а не ложитесь на землю. Человек, который поддался искушению через пять минут, просто не знает, каким оно стало бы через час. Вот, между прочим, почему плохие люди представляют очень плохо, что такое зло. Они защитились от этого тем, что всегда уступали искушению в самом начале. Мы никогда не узнаем силу злого импульса, если не попытаемся противостоять ему. Христос был единственным человеком на земле, который ни разу не уступил искушению; поэтому только Он - знал его во всей полноте.

Итак, серьезно пытаюсь не отступать от христианских добродетелей, мы учимся признавать, что неспособны жить в согласии с ними. От мысли, что Бог предлагает нам экзамен, на котором мы могли бы получить хорошие отметки, надо отказаться. е годится и мысль о сделке, при которой мы могли бы исполнить наши обязательства и поставить Бога в положение, когда Ему просто пришлось бы, справедливости ради, выполнить Свои.

Я думаю, каждому, у кого была какая-то неясная вера в Бога до того, как он стал христианином, приходили в голову такой экзамен или такая сделка. Но когда мы становимся христианами, мы начинаем понимать, что идея эта не срабатывает. Тогда некоторые решают, что само христианство обречено на неудачу, и отходят от него. Очевидно, они воображают Бога каким-то простаком. Но Он прекрасно обо всем знает. Одна из задач христианства именно в том и состоит, чтобы показать нам несостоятельность вышеупомянутых представлений. Бог ожидает той минуты, когда мы увидим, что на этом экзамене не заработаешь проходного балла и невозможно сделать Бога нашим должником. Потом приходит другое открытие. Каждая способность, которой вы наделены - способность двигать ногами или мыслить - дана Богом, и если каждый миг своей жизни мы будем служить Ему одному, то и тогда не сможем дать Ему ничего, что Ему бы не принадлежало. Когда мы говорим, что человек делает что-то для Бога или дает Богу, мы - как маленький мальчик, который придет к отцу и скажет: "Папа, дай мне денег, я куплю тебе подарок". Конечно, отец даст, и подарок его порадует, все это хорошо и правильно. Но только дурак подумает, что отец выиграл. Вот когда человек сделает оба эти открытия, Бог сможет по-настоящему приняться за него. Только после этого и начинается для него настоящая жизнь. Человек пробуждается... Теперь мы можем перейти к вере во втором смысле.

Мне хотелось бы, чтобы на то, с чего я начну, каждый обратил особое внимание. А начну я с предупреждения. Если глава не покажется вам интересной; если вы думаете, что я пытаюсь ответить на вопросы, которые у вас и не возникали, - не читайте ее до конца. В христианстве есть вещи, которые можно понять еще до того, как вы стали христианином. Но есть и такие, которых не поймете, пока сами не одолеете часть пути. Это чисто практические вещи, хотя на первый взгляд они такими не кажутся. Они как бы указывают направления, отмечают перекрестки, предупреждают о препятствиях, которые вы встретите на пути веры. Естественно, они ничего не говорят тому, кто еще не достиг перекрестков и не наткнулся на препятствия. Всякий раз, когда вы сталкиваетесь в христианской литературе с тем, что для вас не имеет смысла, не задумывайтесь, проходите мимо. Наступит день, может быть - годы спустя, когда вы внезапно поймете, что это значит. Возможно, вам принесло бы вред, если бы вы поняли слишком рано.

Все это, конечно, говорит против меня, как говорило бы против всякого другого. А вдруг я собираюсь объяснить то, до чего сам еще не вполне дошел? Поэтому я прошу тех христиан, которые разбираются в тонкостях нашей доктрины, внимательно следить за ходом моих рассуждений и указать на ошибки. Остальных же прошу принять то, что я говорю, как некую крупицу истины, которая может оказаться полезной, памятуя при этом, что я и сам не совсем убежден в своей правоте.

Попытаюсь говорить о вере во втором, более высоком смысле слова. Я только что сказал, что потребность в этом разобраться возникает не прежде, чем мы сделали все от нас зависящее, чтобы следовать христианским добродетелям, и увидели, что это невозможно; не раньше, чем мы поняли, что, если бы это даже удалось, мы отдали бы Богу только то, что и без того Ему принадлежало. Иными словами, лишь тогда, когда мы обнаружим полное свое банкротство.

Позвольте мне еще раз повторить: для Бога важнее всего не наши действия, а наше состояние. Он хочет, чтобы мы были существами особого рода или качества, такими, какими Он предназначил нам быть в самом начале, то есть - определенным образом связанными с Ним. Не обязательно добавлять "и друг с другом", одно вытекает из другого. Если у вас установились правильные отношения с Богом, то непременно установятся правильные отношения и со всеми вашими собратьями. Это - как спицы колеса: если они правильно посажены на втулку, то будут симметричны и по отношению друг к другу. А

пока человек думает о Боге как об экзаменаторе, который требует выполнить какое-то проверочное задание, или как об участнике двухсторонней сделки; пока он считает, что Ему или нам можно ставить требования, преждевременно говорить о правильных отношениях с Богом. Этот человек еще не понял, что такое он сам и что такое Бог.

В правильные отношения с Создателем человек не сумеет вступить до тех пор, пока не обнаружит полного своего банкротства. Когда я так говорю, я имею в виду, что он действительно это обнаружит, а не повторит, как попугай, за другими. Конечно, и ребенок, получивший какое-то религиозное образование, вскоре научится повторять, что мы не можем предложить Богу ничего такого, что бы Ему не принадлежало, и даже этого мы не в состоянии предложить целиком, не удержав чего-то для себя. Однако я имею в виду подлинное открытие, когда человек на личном опыте убеждается, что все это правда.

Обнаружить, что мы не способны следовать Божьему закону, нам дано только ценой самых настойчивых попыток соблюдать его, в несостоятельности которых мы сами убедимся. Пока мы не приложим настоящих стараний, где-то в глубине души мы будем надеяться, что если в следующий раз мы постараемся изо всех сил, то наконец сумеем стать непогрешимыми. Таким образом, с одной стороны, возвращение к Богу требует нравственных усилий, предельных стараний; но, с другой стороны, не эти старания приведут нас к желанной цели. Зато они ведут к той исключительно важной минуте, когда мы обратимся к Богу и скажем: "Сделай это, сам я этого сделать не могу". И прошу вас, не спрашивайте: "Достиг ли я этого?" Не копайтесь в своих ощущениях, стараясь понять, наступает ли та самая минута. Ведь когда случается что-то важное, мы нередко этого не замечаем. Человек не говорит себе: "Как хорошо, я расту!" Чаще всего он заметит, что действительно вырос, только оглянувшись назад. Вы можете это увидеть и в более простых вещах. Человек, который с нетерпением ожидает сна, скорее всего, не заснет. То, о чем я говорю, может быть, не с каждым случится так, как случилось с апостолом Павлом или Беньяном: его не поразит молния. Иногда это происходит постепенно, и человек не сумеет указать ни часа, ни даже года, когда это произошло. Важно, что именно с нами было, а не то, что мы при этом чувствовали. Изменение выразится в том, что от уверенности в своих силах мы перейдем к состоянию, когда, отчаявшись хоть чего-то добиться, мы все предоставим Богу.

Я знаю, слова "предоставить Богу" могут ввести в заблуждение. Тем не менее сейчас их надо произнести. Для христианина это значит "все доверить Христу"; так выражает он упование на то, что Христос каким-то образом поделится с нами Своей способностью к совершенному послушанию, которое Он соблюдал от рождения до распятия. В этих словах звучит надежда на то, что Христос сделает человека более подобным Себе - излечит его слабости, исправит недостатки. Говоря по-христиански, Сын Божий разделит с нами Свою природу и сделает нас причастными Его высокому сыновству. В четвертой книге я постараюсь поглубже разобрать значение этих слов.

Итак, Христос предлагает нам нечто важное и притом - даром; более того, Он даром предлагает нам все. В некотором смысле христианская жизнь и состоит в том, что мы принимаем совершенно исключительное предложение. Трудно признать, что все, что мы сделали, и все, что мы можем сделать, в сущности - ничто. Однако совсем, совершенно передать наши заботы Христу - не значит, что мы перестанем действовать, не будем стараться. Доверившись Ему, мы делаем все то, что Он подсказывает. Какой смысл говорить, что вы доверяете такому-то, если вы не следуете его советам? Если вы действительно доверились Богу, вы будете, по мере сил, Ему подчиняться. Но и стараться вы будете по-иному, ни о чем не волнуясь. Вы станете выполнять то, о чем Он говорит, не для того, чтобы спастись, а из-за того, что Он уже начал спасать вас. Вы станете жить и действовать иначе - не ради того, чтобы попасть на небо в награду за хорошее поведение, а потому, что внутри вас уже забрезжил слабый отблеск небесного света.

Христиане часто спорят о том, что ведет христианина в дом Отчий - добрые дела или вера. Не знаю, имею ли я право приниматься за столь трудную тему, но мне кажется, что спорить об этом - все равно, что спрашивать, какое лезвие у ножниц важнее. Только

самое серьезное нравственное усилие поможет вам понять, что все ваши усилия тщетны; лишь вера во Христа способна спасти вас тогда от отчаяния. А уж эта вера неизбежно приведет вас к добрым делам.

Есть две пародии на истину, которых придерживались некоторые христиане и которые осудили другие христиане. Возможно, если мы задумаемся над этими пародиями, нам станет яснее сама истина.

Одна из идей, подвергшихся осуждению, такая: "Важны только добрые дела. Лучшее из них - это благотворительность. Лучшая форма благотворительности - денежные пожертвования. А кому же еще жертвовать деньги, как не церкви? Так что дайте церкви 10 000 фунтов стерлингов, и она позаботится о том, чтобы с вами все было в порядке". На эту бессмыслицу, очевидно, напрашивается возражение: "Добрые дела, совершенные потому, что ты хочешь подкупить небо, не добры ни с какой точки зрения. Это просто торговая сделка".

Другое заблуждение сводилось к следующему: "Важна только вера. Следовательно, если у вас есть вера, действия ваши и поступки роли не играют. Грешите в свое удовольствие, мой друг, развлекайтесь, наслаждайтесь жизнью, а Христос позаботится о том, чтобы все это не отразилось на вашем пребывании в вечности". Возражая на эту чушь, мы говорим: "Если то, что вы называете верой в Христа, не побуждает вас обратить хоть немного внимания на Его слова и советы, значит, это и не вера. У вас нет ни веры, ни доверия к Нему, разве что кое-какие теоретические знания".

Проблему того, что важнее - дела или вера. Библия решает, объединяя их в одной замечательной фразе. В первой части ее мы читаем: "Со страхом и трепетом совершайте свое спасение", и получается так, словно все зависит от нас и наших дел; но во второй части той же фразы говорится: "Потому что Бог производит в вас хотение и действие по Своему благоволению" (Фил.2:12,13), и можно понять, что Бог делает за нас все, мы же - ничего. Именно с этой дилеммой и сталкиваемся в христианстве.

Я и сам порою ощущаю себя в тупике, но не удивляюсь. Видите ли, мы сейчас пытаемся понять и на два лада толкуем то, что толкованию не подлежит, а именно: что же в точности делает Бог, что - человек, когда они действуют сообща. Мысленно мы прежде всего сравниваем их с двумя людьми, работающими вместе, когда можно сказать: "Он сделал то-то, а я то-то". Но такое сравнение несостоятельно, Бог - не человек. Он действует и внутри нас, и во внешнем мире. Даже если бы нам удалось понять, кто и что здесь делает, я не думаю, что человеческий язык выразит такие понятия.

Пытаясь все-таки как-то это выразить, разные церкви говорят разное. Но примечательно, что те из них, которые особенно подчеркивают важность добрых дел, говорят вам о необходимости веры; те же, кто особое значение придает вере, настаивают на добрых делах. Это, пожалуй, все, что я могу сказать.

Я думаю, все христиане согласятся со мной - хотя на первый взгляд кажется, будто христианство сводится к морали, долгу и соблюдению правил, вине и добродетели, оно ведет нас дальше, за пределы всего этого. Человек видит проблеск иной страны, где никто о таких вещах не говорит, разве что в шутку. Каждый в той стране исполнен добра, как зеркало исполнено света. Но никто не называет это добром, вообще никак не называют, об этом просто не думают. Там слишком заняты, там созерцают его источник. Но мы приблизились к тому месту, откуда дорога уходит за пределы нашего мира. Никто не способен видеть так далеко, хотя многие, конечно, видят дальше, чем я.